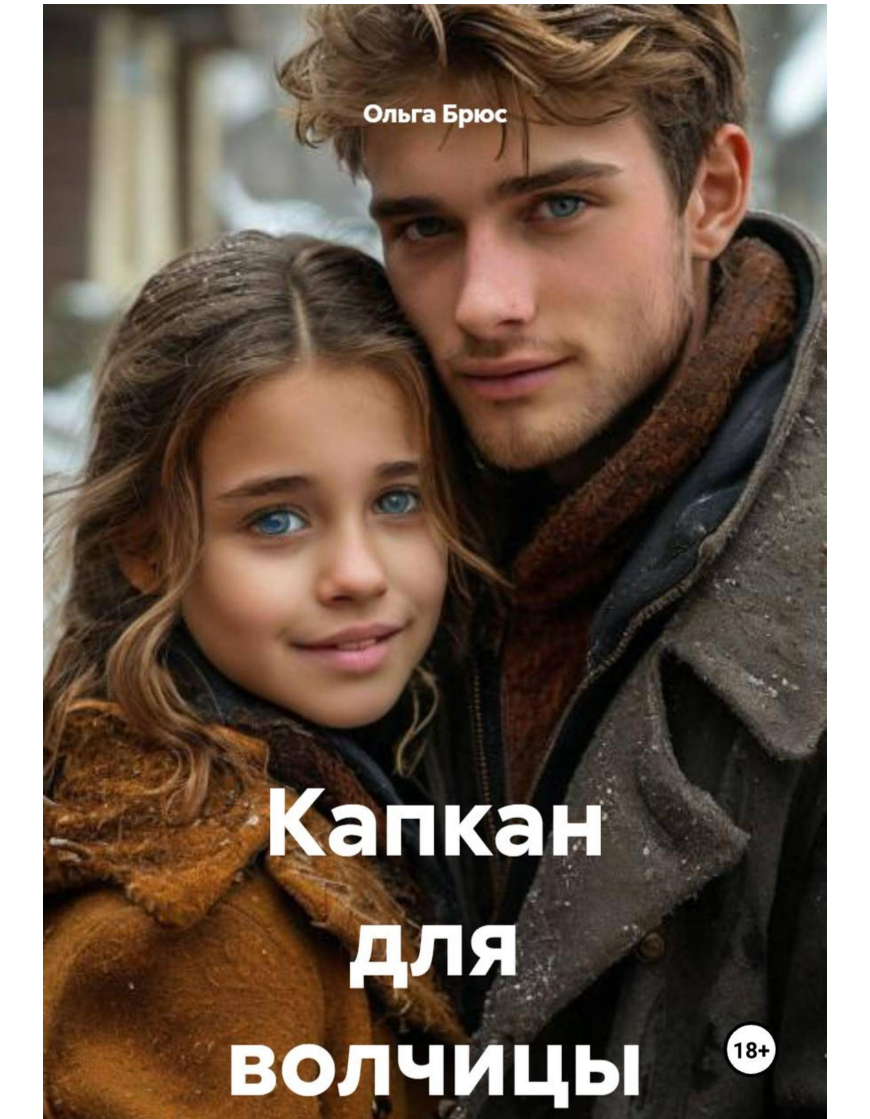

A close-up photograph of a young man and woman in winter clothing. The man, with light brown hair and blue eyes, is in the background, looking directly at the camera. The woman, with long brown hair and blue eyes, is in the foreground, looking slightly to the side. They are both wearing heavy, dark winter coats with fur-lined collars. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Ольга Брюс

Капкан для ВОЛЧИЦЫ

18+

Ольга Брюс

Капкан для волчицы

<https://litres.ru/73547829>

SelfPub; 2026

Аннотация

В детдоме Вика встречает Капкана — парня с тяжёлым характером и такой же тяжёлой судьбой. Между ними сразу вспыхивает взаимная ненависть. Годы идут: жизнь разводит их по разным дорогам, и Вика попадает в богатую приёмную семью. Но прошлое не исчезает бесследно. Судьбы Вики, её родной матери и Капкана причудливо переплетаются, заставляя каждого столкнуться с тайнами, болью и выбором, который изменит всё.

Книга первая.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	68
Глава 8	78
Глава 9	89
Глава 10	98
Глава 11	109
Глава 12	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Капкан для волчицы

Глава 1

– Ну что, Нин, давай?!

– Давай, Верунь! За праздник!

Обе женщины разом подняли стопки, чокнулись, выпили и Вера принялась закусывать килькой в томате, которая прямо в банке стояла на столике рядом с варёными яйцами, вишнегретом в миске, хлебом и зеленью.

Нина только лишь поднесла к носу рукав белого медицинского халата и вдохнула не выветрившийся после стирки запах хлорки.

– Ну, ты даёшь, Нин, – с восхищением проговорила Вера.
– Чистый спирт ведь...

– Поработай с моё, – отмахнулась та. – И не таким фокусам научишься. Наливай давай! Надо же как-то настроение поднять, Первомай всё-таки, все гуляют, а мы работаем. Эх, а я такое платье у Людмилы сшила, хотела на демонстрации в обновке щеголять... Надо же было Петровичу с утра ногу сломать. Полез, дурень старый, флаг на входе вешать, ну и навернулся с лестницы. Теперь он дома с гипсом праздник отмечает, а мне вместо него на дежурство выйти пришлось. Ну что ты сидишь-то, Вера?! Наливай, говорю...

– Нина, а вдруг заявится кто-нибудь, – испуганно оберну-

лась та на двери. – Всё-таки мы медпункт, мало ли что?

– Да я тебя умоляю! – Нина зачерпнула ложкой винегрет и отправила его в рот, аппетитно захрустев сочной капустой и солёными огурчиками. – Медпункт! Да кто к нам сегодня придёт? На окраину города. Праздник же у всех! Наливай лучше и телек включай громче, сейчас Первый секретарь горкома выступать будет, Данилов. А потом концерт начнётся...

Вера протянула руку к чёрно-белому телевизору «Рассвет» и покрутила ручку динамика, а на экране, на фоне городской площади, появился стоявший за трибуной человек в костюме и шляпе.

– Данилов, – с гордостью показала на него пальцем Нина.

– Знаешь его, что ли? – удивилась Вера.

– Моя первая любовь, – кивнула Нина. – Эх, порассказать бы тебе, да не буду... А любили мы друг друга, ой, как любили...

– Дорогие товарищи! – начал тем временем своё обращение Первый секретарь горкома КПСС. – Сегодня, в светлый и радостный день Первого мая, мы собрались здесь, чтобы встретить международный праздник труда, символ истинной социалистической солидарности и единства трудящихся всего мира. Этот день напоминает нам о том, как важно объединять усилия для достижения величественных целей нашего общества.

– Слушай, а что же вы тогда расстались, если уж так лю-

били друг друга? – поинтересовалась Вера, глядя как Нина снова наполняет стаканы.

– Как же не расстаться? – усмехнулась Нина. – Я-то была девчонкой восемнадцатилетней, несмышлёныш ещё совсем. А он уже жениться успел, и жена его в положении была. И так мы с ним целый год тайком встречались, как ещё никто не догадался-то, не знаю.

Она умолкла и прислушалась к речи выступающего:

– Первое мая – это не только праздник весны и обновления, но и день, когда мы с гордостью отмечаем достижения нашего народа. Под руководством нашей партии мы прошли через множество испытаний, и вышли на путь процветания. Мы видим, как крепнет наша экономика, как расцветает промышленность и сельское хозяйство, как индивидуальные успехи каждого трудящегося складываются в общие достижения всей страны.

Выпив стопку и закусив её винегретом, Нина махнула ложкой в сторону экрана:

– Вот он всегда так красиво говорить умел. Потому его и заметили.

– Ну а что ж он жену не бросил ради тебя, если говоришь, что у вас такая уж любовь была? – опорожнив свой стакан, поморщилась Вера.

– Ты что, совсем фють-фють? – покрутила пальцем у виска Нина. – У него карьера началась, да и ребёнок уже родился. Я же тебе объясняю... Он по партийной линии пошёл,

в Москву поехал, чтобы там подучиться. Ты бы от такого отказалась?

– Нет, – покачала головой Вера.

– Ну, вот и он – нет, – пожала плечами Нина.

– А когда он вернулся, больше не встречались? – не удержалась от любопытства Вера.

– Один раз только, случайно, – вздохнула Нина. – Он мне на сцене Почётную грамоту вручал за многолетнюю безупречную работу, а также активное участие в общественной жизни и социалистическом соревновании.

– Какое же социалистическое соревнование может быть у врача? – пьяненько хихикнула Вера.

– Мы должны помнить, что именно труд – это основа наших успехов, – продолжал вещать Данилов, на которого Нина показала пальцем. – Каждый из вас, будь то рабочий, врач, инженер, учитель или продавец, внёс в наше общее дело свой вклад. И в этот день мы отдаём дань уважения всем трудящимся, кто строит и укрепляет нашу социалистическую страну.

– Вот! Слышала?! – Нина подняла палец вверх: – Мы – врачи, укрепляем социли... солицисти... ..стилитическую страну!

– О-о-о-ой...

– Чего ты ойкаешь?! – повернулась к Вере Нина.

– Это не я, – покачала головой та.

– А кто?! – не поняла Нина.

Вера подошла к двери, открыла её и теперь действительно ойкнула, увидев распластавшуюся у её ног беременную женщину.

– Помогите... – прошептала несчастная, протягивая руку к Вере.

– Ой, мамочки, да она же рожает! – воскликнула та. – Нина! Нина!!!

– Я люблю тебя, жизнь, – открыл телевизионный концерт Иосиф Кобзон любимой всеми песней: –

Я люблю тебя снова и снова

Вот уж окна зажглись

Я шагаю с работы устало

Я люблю тебя, жизнь

И хочу, чтобы лучше ты стала...

– Нина, надо куда-то звонить... В центральную, что ли, – испуганно проговорила Вера, помогая подготовить несчастную женщину к родам. – Откуда она только свалилась на нашу голову...

– Куда звонить? С ума ты сошла!! – прикрикнула на неё Нина. – И бутылку со стола убери! Сами примем, тут раскрытие уже на шесть пальцев... Что ж ты, милая, догулялась до такого времени? Ну давай, давай, ловим схваточку... Так, так... Дыши, дыши... Ещё разок... Эй, эй, милая... Очнись... Верка, звони!!! Да быстрее ты, дура нерасторопная!

Вера бросилась к телефону...

Когда скорая помощь приехала к медпункту, Вера уже заворачивала новорождённого ребёнка в простыни, чтобы отъехать подъехавшей бригаде, но те категорически отказались принимать кричащую кроху:

– Вы что?! Куда мы с ним? Нам бы мать его довести с таким-то кровотечением! Где её документы, вещи?

– Ничего при ней не было, – всхлипнула Вера. – Мы даже не знаем, как её зовут. Она только стонала всё время.

– Всё, поехали в центральную. Там пусть разбираются!

– А нам-то что делать? – развела руки в стороны Нина.

– Вызывайте кого-нибудь другого! Милицию, например... – посоветовал ей фельдшер скорой помощи и умчался с мигалками и сиреной, торопясь доставить несчастную в больницу.

Нина потянулась к телефону и набрала номер 02. Потом проговорила неуверенным тоном:

– Здравствуйте. Вас беспокоит Горобко Нина Александровна, фельдшер с девятнадцатого участка. Тут такое дело...

Милиция приехала быстро, и рыжеусый лейтенант сразу же приступил к допросу обеих женщин, которые практически ничего не могли пояснить ему.

– Вы что, пьяны? – хмурился он. – Как не стыдно?! Вы же медики! Клятву Гиппократы давали. А сами пьёте на работе! Почему сразу не вызвали бригаду скорой помощи?

– Так у неё роды уже шли полным ходом, – пожалала плечами Нина. – И ничего мы не пили. Устали просто.

– Ладно, а имя этой женщины вы знаете? Кто она такая вообще?

– Мы не знаем, – сразу за себя и Нину ответила Вера.

– Но записать-то мне что-то надо, – сердился лейтенант.
– Кто там родился? Девочка? Давайте хоть ей дадим имя. Я же должен хоть как-то обозначить её!

Вера и Нина переглянулись.

Потом Нина сказала:

– Сегодня Первое мая, так пусть и она будет Майей.

– Ладно. А отчество? – записал имя девочки лейтенант.

Нина подняла глаза на висевший на стене портрет Владимира Ильича Ленина.

– Владимировна...

– Вы что, совсем уже? – вспыхнул милиционер.

– Ну а что? Владимировна и Владимировна, – пожалала плечами Нина. Её страшно клонило в сон и вопросы лейтенанта практически не проникали сквозь затуманенное алкоголем сознание женщины.

– Так, товарищи! – рассердился лейтенант. – Хватит тут ломать комедию. Я не собираюсь брать на себя ответственность за вас. А потому вы обязаны отвечать на мои вопросы. Под какой фамилией записать девочку? Мне все равно, пусть она будет записана на ваши фамилии – Горобко или Пантелеева.

– Тамбовский волк тебе товарищ, – сквозь полудрёму проговорила Нина, а Вера, испугавшись, что лейтенант сейчас и в самом деле даст новорождённой её фамилию – Пантелеева, сказала торопливо:

– Волкова она пусть будет! Волкова Майя Владимировна...

– Волкова Майя Владимировна!

Хрупкая большеглазая девушка поднялась с места и начала пробираться через ряд к проходу, который вёл на сцену. Она тряслась от волнения, когда Слепцов Вячеслав Николаевич, директор детского дома, где она воспитывалась вот уже шестнадцать лет, протянул ей три гвоздики и паспорт. И слова его долетали до неё как будто откуда-то издалека:

– Поздравляю... С этого дня... полноценным членом общества... ответственность за поступки... за вами будущее страны...

– Ой, – выдохнула Майя, возвращаясь на место с заветной корочкой в руках. – Я там чуть не умерла... Так страшно было...

– Вот дурёха! – рассмеялась никогда не унывавшая Лидка, подруга Майи. – Ничего тут страшного нет. Мне, когда в прошлом году вручали паспорт, я так радовалась, что споткнулась и со ступенек свалилась. Помнишь?

– Помню! – прыснула ладошку Майя.

– Волкова, Смирнова... – прошипела «Клаша», Клавдия

Ильинична Коростылёва, воспитатель, которого боялись все воспитанники детского дома. – Я вам сейчас пошепчусь...

Девушки замолчали, но, когда Клаша отвернулась, Лида показала ей язык и тихонько хихикнула, тотчас получив лёгкий толчок в бок от Майи, состроившей строгий взгляд.

Обе девушки с трудом дождались, когда же закончится церемония вручения паспортов, затянувшаяся из-за нравоучительных речей директора, и, получив долгожданную свободу, вышли во двор и уселись на свою любимую скамеечку под раскидистой липой.

– Ну и какие у тебя теперь планы на жизнь? – поинтересовалась у подруги Лида.

Майя в ответ пожала плечами:

– Мне пока ещё рано об этом думать, а вот тебе в самый раз. Ты же следующим летом уже выпускаешься.

– Ну да, – согласилась Лида. – Я знаешь, что решила? Во-первых, выучусь на повара. С такой профессией, как ни крути, голодным никогда не останешься. Да и домой можно что-нибудь прихватить. Немного, конечно, но всё же.

– Ой, Лидка! – вспыхнула Майя.

– Ну а что? – рассмеялась Лидия. – Все повара толстые, значит сытые. Посмотри хоть на нашу Раиску: щеки всегда розовые, лоснятся даже.

– Так это от жара, – покачала головой Майя. – Она же с утра до ночи у печки стоит. Залоснишься тут. Жалко её даже.

– Ничего не знаю, – махнула рукой Лида. – Когда она вече-

ром сумки тяжеленные домой тащит, мне её совсем не жалко.

– Злая ты! – с грустью произнесла Майя.

– Я не злая, я завистливая, – рассмеялась Лида. – Ну а что? Я завидую, значит, тоже хочу, чтобы у меня так было. Вот выучусь на повара, приду сюда работать и ещё не так тащить всё буду!

Майя рассмеялась:

– Ой, Лидка! Ну что ты за человек, а?! Языком только мелешь, а сама вообще не такая.

– Такая, такая! – хохоча, ущипнула подругу Лида. – Ну, а ты о чем думаешь? Рассказывай! Какие планы на жизнь? О чём мечтаешь?

Майя с тоской осмотрела унылое серое здание детского дома, похожего больше на тюрьму, и вздохнула:

– Я ещё не знаю, кем я буду, но сделаю всё для того, чтобы мои дети никогда не переступали этот порог. Слышишь, Лида, я обещаю это тебе...

Глава 2

– Эй, ты что это тут расселась? Айда на обед! – всплеснула руками Лида, которая уже два часа безуспешно разыскивала подругу. А Майя, спрятавшись за занавеской в музыкальном зале, забралась с ногами на подоконник и, обхватив колени руками, всё это время задумчиво смотрела на облака, плывущие по небу.

– Скажи, Лидуся, о чём ты думаешь, когда смотришь вон на то облако? – спросила она, даже не поворачиваясь к подруге.

– О том, что скоро дождь пойдёт, – пожала плечами Лида.

– Ну ты что! – покачала головой Майя. – Посмотри внимательно! Это же большой кот! Он тянется лапкой к другому облаку, которое похоже на белую розу. Видишь?

– Совсем ты уже помешалась со своими белыми розами, – Лида присела рядом с Майей и принялась тормозить подругу, дурашливо напевая: – Белые розы! Белые розы, беззащитны шипы...

– Ой, всё-всё! – Майя соскочила с подоконника. – Только не пой больше! Это же совсем не так поётся! Хватит!

– А тебе хватит страдать по своему любимому Юрочке. Дурочка! Он же всё равно о тебе ничего не знает! И не узнает ни-ког-да!

– Лида! – всплеснула руками Майя и тут же прижала их

к груди. – Я же не поэтому! Это совсем ничего не значит. Мне просто нравится, как он поёт. Он живёт в своих песнях, понимаешь? Живёт ими! Я когда слушаю его, мне кажется, что это поёт моя душа...

– Ну не знаю, – Лида принялась пританцовывать, переступая с ноги на ногу и размахивая руками, – мне больше вот это нравится: «Только ветер буйный поёт за кормой, Чио Чио Сан, я хочу быть с тобой!»...

– Сама ты Чио Чио Сан, – рассмеялась Майя. – Нет, Лидуся, ты просто невозможная. Но я тебя очень сильно люблю...

– А я тебя, романтичная ты моя, – Лида обняла подругу и вдруг спохватилась. – Слушай, Клаша там уже рвёт и мечет! Ты же утром обещала ей вымыть лестницу.

– Ой, а я и забыла совсем, – ахнула Майя. – Сейчас-сейчас, я всё сделаю.

– Ладно тебе, – рассмеялась Лида. – Я уже всё вымыла. Так что айда обедать.

– Спасибо! – Майя молитвенно сложила перед собой ладони. – Лидуся, ты самая лучшая подруга на свете!

– Ну раз так, тогда, пообещай мне, Майка, что мы с тобой будем дружить всю жизнь, что бы ни случилось. В гости друг к другу ходить, или ездить, если не получится жить рядом.

– Конечно, обещаю, – Майя поцеловала её в щеку. – Ты же мне как старшая сестра. И я тебя просто обожаю!

– Вот и хорошо. Значит, ты должна меня слушаться, – заявила Лида. – Сегодня ночью, как только все уснут, мы с то-

бой пойдём на дискотеку.

– Куда-а-а? – Майя от удивления даже остановилась и теперь во все глаза смотрела на свою подругу.

– Куда-куда, на дискотеку, говорю! – горячо зашептала ей на ухо Лида. – Я узнала, тут неподалёку клуб есть. Там вся молодёжь собирается. И музыку хорошую крутят. Туда пойдём и оторвёмся по полной.

– С ума сошла, кто нас туда пустит?! – ахнула Майя.

– А мы никого спрашивать не будем. Вылезем через окно в подсобке на первом этаже, я проверяла, его можно открыть. И всё, свобода! До клуба пешком прогуляемся. Я же говорю, что тут недалеко. Всего-то два квартала. А там потанцуем и назад. Никто даже не заметит. Все спать будут.

– Я никуда не пойду, – покачала головой Майя. – И оставь, пожалуйста, свои глупости при себе.

– Хорошо, не хочешь, как хочешь, – пожала плечами Лида, принимаясь за обед.

– Вот и ладно, – улыбнулась Майя, старательно не замечая надутых губ подруги.

Было уже около одиннадцати часов вечера, когда Майя, отложив в сторону книжку, которую читала перед сном, уснула. Но поспать ей удалось не больше получаса, потому что едва весь интернат затих, как Лида принялась тормозить её, тихонько приговаривая:

– Да просыпайся ты, соня! Сколько можно спать? Всю

жизнь так проспишь! Давай, вставай! Нас ждут великие дела!

– Какие дела, Лида?! – приподнялась на локте Майя, не понимая спросонья, что хочет от неё подруга.

– Я же сказала, что мы пойдём на дискотеку, – шептала та. – Ты что, всё забыла?

– Ой, Лида... – испугалась Майя. – Ну что ты выдумала? А если кто-нибудь узнает? Нет-нет, мы никуда не пойдём! Сегодня ещё и на дежурстве Клаша. Вдруг она увидит, что нас нет? Что тогда будет?

– Что будет, то и будет, а чего не будет того не будет, – всплеснула руками Лида. – Под одеяло подушку положи и ещё что-нибудь. Тогда никто не догадается, что нас нет. Ну, собирайся ты скорее. Долго мне тебя ещё ждать?!

– Я никуда не пойду! – натянула на себя одеяло Майя.

– Ну и не ходи! – не сдержавшись, топнула ногой Лида. – Тогда я пойду сама. И получу за всё тоже сама. А ты спи. Сладких тебе снов, трусиха!

Она повернулась и тенью скользнула за дверь. Потом осторожно спустилась по лестнице на первый этаж, пробралась в подсобку, тихонько открыла окно и забралась на подоконник.

– Подожди меня, – слышался позади голос Майи. – Дай руку.

– Скорее, – поторопила её Лида.

Майя выпрыгнула вслед за ней в темноту ночи и уже через

минуту обе девушки бежали по улице, удаляясь от детского дома, который укоризненно смотрел им вслед тёмными глазами-окнами.

Когда они прибежали к клубу, дискотека была уже в самом разгаре. Несмотря на опасения Майи, внутри им удалось пройти безо всяких проблем, и, ошеломлённая обрушившемся на нее вихрем мигающего света и музыки, она застыла, растерянно разглядывая танцующую толпу.

– Ты что, стоять сюда пришла? – прокричала ей в самое ухо Лида, увлекая её на танцпол. – Смотри, как тут классно! А ты идти не хотела! Танцуй, Майя, танцуй! Ты же так любишь танцевать!

Из динамиков грохотала какая-то зажигательная зарубежная песня и Майя, поддавшись порыву внезапно охватившего её веселья, поспешила за подругой, полностью отдавшись кружившей над всеми музыке.

Одну песню сменяла другая, а Майя всё танцевала и танцевала, ничего не замечая вокруг. И опомнилась, только когда услышала начальные аккорды одной из своих любимых песен группы «Ласковый май».

– Фу-х, медляк, – проговорила Лида и потянула Майю в сторону: – Пойдем, отдохнем! Я так наплясалась, что ноги гудят невозможно.

Но уйти девушки не успели: Лиду пригласил на медленный танец худощавый парень с огненно-рыжими волосами, а

Майю перехватил симпатичный блондин в модных джинсах и футболке.

– Ой! – испуганно вскрикнула Майя, впервые чувствуя руки парня на своей талии. – Вы что?

– Ничего, – рассмеялся он. – Медляк же, все так танцуют. Посмотри. Или тебя раньше не приглашали?

– Нет, – Майя отчаянно искала глазами Лиду, но та затерялась в толпе танцующих пар.

– Странно, – усмехнулся блондин. – Неужели все парни ослепли, если никто до меня ни разу не приглашал тебя на медляк. Меня, кстати, Даниил зовут. А тебя?

– Майя, – она подняла на него смущённый взгляд.

– Ух ты! – восхитился он. – Красивое имя. Необычное. Кто придумал, папа или мама?

Майя отвела взгляд в сторону и Даниил, помолчав немного, вдруг тихонько присвистнул, догадавшись:

– погоди! А ты случайно не детдомовская? Как же я сразу не понял? Одеты во всякое тряпье и лицо такое... Как будто растерянное...

Она не ответила ему и только дёрнулась, чтобы вырваться из его объятий и уйти, но он крепче сжал её:

– Да не обижайся. Я ничего такого не имел в виду. Ты девушка красивая, и всё такое. Только с одеждой тебе не повезло. Да и вообще по жизни... Что, предки твои спились, наверное? Ну да это ничего. Так бывает. Хочешь, я тебя пожалею?

Его рука скользнула вниз по талии девушки, но в это вре-

мя танец закончился, и Майя оттолкнула парня, невольно ослабившего свою хватку:

– Иди ты, знаешь куда?! – воскликнула она. – Тоже мне жалельщик нашёлся! Обойдусь как-нибудь!

– Эй, полегче! – нахмурился Даниил. – Что ты так разозлилась? Я же ничего такого не имел в виду.

Но Майя уже шла к выходу, пробираясь сквозь толпу. Она торопилась уйти, обещая себе, что больше никогда не поддастся ни на какие уговоры своей подруги. Пусть Лида сама ходит куда хочет, а её больше не впутывает в свои дела.

Лида в это время весело разговаривала о чём-то с рыжеволосым парнем и не сразу заметила, что Майи в зале больше нет. А когда спохватилась, тоже бросилась на улицу, мгновенно почувствовав, что с той произошло что-то неприятное.

Но Даниил опередил её. Он, сделав кому-то знак рукой, догнал Майю, когда она отошла от клуба, направляясь в сторону интернета.

– Подожди! – Даниил схватил девушку за руку, и крепко сжал её, не позволяя ей вырваться. – Да говорю тебе, стой! Что ты как дикая кошка? Куда ты собралась? Я ещё не познакомил тебя со своими друзьями. Ну что, парни, устроим ей незабываемый вечер? Да, не бойтесь, нам за это ничего не будет. Она же детдомовская... А дикая, потому что не целованная. Но мы сейчас это исправим.

Он притянул Майю к себе и, приподняв её голову за под-

бородок, заглянул ей в глаза:

– Ты же сама хочешь этого, детка?

Глава 3

Четверо парней, посмеиваясь и отпуская плоские шутки, обступили Майю, стараясь оттеснить её к кустам, за которыми начинался старый сквер.

– Дайте мне пройти! – беспомощно воскликнула девушка, пытаясь прорваться сквозь плотное окружение, но парни окружили её плечом к плечу и новый взрыв смеха заставлял сжиматься сердце Майи от страха. – Что вам надо?!

– Шоколада! – расхохотался Даниил. – Слышь, детдомовская, а ты ничё такая. Худоватая, правда. Я девок посочнее люблю. Ну да для разнообразия и такую можно. Да ты не бойся, я потом на тебе женюсь...

Новый взрыв смеха волной качнул Майю, а бесстыдные руки уже полезли под её юбку, когда вдруг совсем рядом раздался чей-то спокойный голос:

– А женилка у тебя выросла?

Даниил резко обернулся, чтобы посмотреть на наглеца, который решился прилюдно унижить его.

– А ну-ка расступились, – потребовал он от друзей, по-прежнему удерживая Майю рукой за шею. И усмехнулся, поняв, что парень в спортивных трениках и футболке не только один, но и безоружен.

– Слышь, а ты что бессмертный? – с явным вызовом спросил он у него.

– Не бессмертный, но живучий, – ответил парень с беспечной улыбкой.

И пока Даниил соображал, что ему сказать на это, сдвинул брови и проговорил строго и серьёзно:

– Девочку отпусти...

– Парни... – Даниил лёгким кивком головы как будто спустил с цепи своих дружков, и те втроём набросились на безрассудного смельчака.

Вот только силы оказались неравны: защитник Майи, раскидал их с такой же лёгкостью, как если бы на него напали щенки дворняжки. А потом снова шагнул к Даниилу:

– Я же тебе сказал отпустить девчонку!

Но Даниил не растерялся и толкнул Майю в объятия парня с такой силой, что тот с трудом удержался на ногах. А в это время трое друзей Даниила, да и он сам, как по команде кинулись на них, теперь уже уверены в своей победе. Пытаясь одновременно и защитить девушку, и отбиться от нападающих, парень стал сдавать свои позиции. Но в это время с возмущённым воплем в толпу ворвалась Лида и принялась размахивать кулаками, продолжая во всё горло звать на помощь. К ней очень быстро присоединился рыжий парень, и потасовка превратилась в массовую драку.

– Атас, менты!!! – крикнул кто-то, но было уже поздно: патруль никому не позволил убежать и обе девушки вместе с шестью парнями были доставлены в ближайшее отделение милиции.

– Чёрт, – простонала Лида, когда её и Майю посадили за решётку в так называемый обезьянник. – Надо же было так попасть! Теперь Клаша с нас шкуру спустит. Живьём сожрёт...

– Я не виновата, Лида, – вздохнула Майя. – Он приставал ко мне, а потом они все начали руки распускать и смеялись надо мной. А сами меня к кустам толкали. Ой, Лида, мне было так страшно! Если бы не тот парень, не знаю, что и было бы.

– Зато я знаю! – воскликнула Лида и, схватившись руками за прутья решётки, закричала в ту сторону, куда увели обидчиков её подруги: – Товарищи милиционеры! Разберитесь с ними! Только рыженького не трогайте и того, другого парня, в трениках и футболке. А тем козлам всыпьте хорошенько!

– Смирнова!!! – послышался резкий окрик, заставивший обеих девушек вздрогнуть. Это в отделение пришла Клаша, чтобы забрать своих воспитанниц.

– Хороши обе! – напустилась она на них, подходя ближе. – У одной фингал под правым глазом, у другой – под левым. Режим нарушили, драку затеяли, на парней напали! Бесстыжие! Да вы хоть знаете, что мне за вас будет? Сейчас сюда приедет Слепцов Вячеслав Николаевич! Нашего директора из постели подняли, чтобы вытащить вас отсюда. На дискотеку, значит, захотелось? Нормальными себе почувствовали? Ну, вы у меня попляшете... Уж так попляшете, что мало не покажется!

– Коростылёва Клавдия Ильинична! – окликнул Клашу кто-то из милиционеров. – Вам нужно расписаться.

Она отошла, бросив на подружек уничтожающий взгляд.

– Плохо дело, Майка, – покачала головой Лида. – Уж эта кобра обязательно придумает нам какую-нибудь месть. Она спать не будет, пока не накажет нас.

– Лида, ты не переживай, я скажу, что это я во всём виновата, – сказала расстроенная Майя.

– Пф-ф! – фыркнула Лида. – Вот ещё! Нет уж, подруга! Вместе попались, вместе и отвечать будем.

Вскоре в отделении милиции появился и директор интерната. В отличие от Клаши он вёл себя спокойно, но его сведённые на переносице брови не сулили девушкам ничего хорошего.

– Кто посмел избить наших воспитанниц? – спросил Вячеслав Николаевич у встретившего его милиционера. – Посмотрите, в каком они виде!

– Мы во всём разберёмся, – пообещал ему тот. – Вы лучше объясните, почему они в такой поздний час не находились в интернате?

– Мы тоже разберёмся, – кивнул Слепцов, прекрасно понимая, что на этом инцидент будет закончен с обеих сторон.

Однако подругам после возвращения в детский дом, действительно пришлось несладко. Директор распорядился, чтобы в течение двух месяцев всё самую тяжёлую работу по

хозяйству выполняли провинившиеся девушки, по одному месяцу на каждую. Но Клаше этого показалось мало, и она пошла ещё дальше. Теперь, каждый раз, когда наступало её дежурство, она ущемляла во всём не только Лиду и Майю, но и остальных воспитанников, прекрасно зная, что детско-подростковый коллектив никому не прощает ошибок.

Её расчёт оказался верным. Уже через неделю мучений и издевательств со стороны воспитательницы, все воспитанники как один объявили Лиде и Майе бойкот. А однажды под вечер, когда Клаша ушла выпить чаю со к своей подружкой поварихой, устроили девчонкам тёмную. Кто-то из старшаков, ровесников Лиды, заманив подружек в кладовую, накинул им на головы одеяла, и тут же появившаяся толпа, повалив несчастных на пол, принялась избивать их ногами, совершенно не заботясь о том, куда попадают удары.

Синяки и кровоподтёки, уже начавшие заживать на лицах Лиды и Майи снова вспыхнули на них и засияли ещё ярче чем прежние. Но воспитатели сделали вид, что так всё и было, потому что боялись Клашу не меньше, чем сами воспитанники.

– Ничего, Маёк, – шептала разбитыми губами Лида. – Всё проходит и это тоже пройдёт. Надо просто немного потерпеть...

Майя молчала. Она не привыкла жаловаться на свою судьбу и жалела только об одном: у неё теперь совсем не было времени для того, чтобы уединиться в музыкальном зале на

любимом подоконнике и заворочено смотреть, как по небу бегут в неведомую даль белоснежные облака.

Однажды, когда Майя подметала дорожку возле хозблока, какой-то парень с той стороны забора свистнул ей и поманил, подзывая к себе. Удивлённая девушка посмотрела по сторонам, убедилась, что зовут именно её, и смело отправилась к незнакомцу, лицо которого ей показалось знакомым.

– Привет, ну как ты? – спросил он её таким тоном, будто они прекрасно знали друг друга и виделись совсем недавно.

– Привет, – осторожно ответила ему Майя. – Ничего, всё хорошо.

– А по тебе не скажешь... – усмехнулся он в ответ. – Новые синяки-то откуда? Ишь, какие печати под глазами! Опять, что ли, без спроса на танцы бегала?

– Ой, – смутилась Майя, только сейчас узнав своего защитника. – Нет, я больше никуда не бегала. А синяки – это так.... Неважно, в общем.

– Ну, я бы так не сказал, – покачал головой парень. – Кто тебя избил, Майя?

– Откуда вы знаете, как меня зовут?! – ещё больше удивилась она.

– Вообще-то, нас всех вместе в участок доставили. Там я и услышал твоё имя. Майя Владимировна Волкова, тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года рождения. Твоя подруга – Смирнова Лидия Ивановна. Она родилась в тысяча де-

вятьсот семьдесят третьем году. Всё правильно?

– Да, – улыбнулась Майя и пожала плечами. – А вот я не знаю, как вас зовут. Простите.

– Владимир Андреевич Олейников, тысяча девятьсот шестьдесят девятого года рождения. Не женат, – отрапортовал улыбающийся парень. – Спортсмен. Занимаюсь борьбой.

– Это я успела заметить, – кивнула Майя. – Спасибо вам, Владимир Андреевич. Вы не только очень смелый, но и добрый человек.

– Я просто не люблю несправедливости, – вполне серьёзно ответил он. – Значит, ты не скажешь, кто опять посмел поднять на тебя руку?

Майя покачала головой.

– Ну и ладно, – не стал спорить Владимир. – Твоя подруга расскажет об этом Илюхе Короткову, тому рыженькому парню, который тоже вступился за вас. Мы ведь тогда в ментовке с ним познакомились и даже подружились, а теперь оба сюда пришли. Надеюсь, ему удалось разыскать твою Лиду...

Майя только всплеснула руками, а вечером, наконец-то переделав все дела, обе подруги долго обсуждали понравившихся им парней и гадали, придут они к ним снова или нет.

Владимир и Илья пришли через несколько дней, но ещё раньше произошло событие, которое повергло Лиду и Майю в шок. Старшие воспитанники интерната, те самые, которые организовали для обеих подруг тёмную и бойкот, побывав в городе, вернулись оттуда сильно избитыми. Но кто с ними

сделал это – не признались. А потом ещё прилюдно попросили у Лиды и Майи прощения за всё, что сделали.

Именно бойкот девушки переносили особенно тяжело и теперь почувствовали невероятное облегчение от того, что всё встало на свои места. Вскоре прошли их синяки и ссадины на лицах, а душевные раны обоим прекрасно заживляли Владимир и Илья.

– Я влюбилась в своего рыженького, как кошка, – смеялась Лида. – Уж такой он у меня славный, такой милый, что я просто не могу ни в чём ему отказать. Хочешь верь, хочешь не верь...

Майя верила, но с Володей держала себя строго и ничего кроме невинных поцелуев не позволяла. Да он и не пытался приставать к ней, обещая дожидаться, когда она станет совершеннолетней. И до безумия влюблённая в парня девушка была за это ему очень благодарна.

Может быть, именно из-за этого Майя не так болезненно перенесла расставание с Лидой. Как подруга и обещала, сразу после выпуска из интернета, она поступила учиться на повара. Но уже через пару месяцев, навещая Майю, обрадовано сообщила ей, что ждёт от Ильи ребёнка и они решили пожениться.

– Так быстро! – всплеснула руками Майя.

– Ну а чего нам ждать? – расхохоталась Лида. – Мне девятнадцать скоро, Илье – двадцать два. Его родители, конечно, в шоке, но это ничего. Как только они возьмут внука

на руки, сразу в себя придут. Майка, ты придёшь ко мне на свадьбу? Обязательно приходи. Я тебя подружкой возьму, а дружкой будет твой Олейников. Загуляе-е-ем!!!

– Конечно, приду, – пообещала ей Майя. – Ты ведь мне как сестра...

– А ты мне, – рассмеялась Лида и обняла подругу.

Свадьба Лиды и Ильи была шумной и весёлой. Илья вместе с родителями жил в том районе города, где находились только частные застройки и праздник было решено устроить прямо во дворе их дома. Два дня ворота и калитка были распахнуты настежь, и друзья и соседи семьи приходили, чтобы помочь приготовить еду, расставить столы, надуть воздушные шары и развесить повсюду ковры и свадебные плакаты.

Шум и гам не умолкали с самого раннего утра и в день свадьбы. Вино и водка лились рекой и Илья, стараниями его друзей, к разгару праздника, едва стоял на ногах. Владимир пил немного, но весь день ревниво следил за Майей, которая то и дело ловила на себе восхищённые взгляды парней.

– Володя, миленький, успокойся, – не раз просила она своего любимого. – Мне никто не нужен кроме тебя. Не обращай на них никакого внимания.

Но Владимир в ответ только играл желваками и по-хозяйски обнимал её за талию, шепча на ухо что-то о том, что если она изменит ему, он её за это просто убьёт.

– Дурачок, – ласково ругала его девушка. – Нельзя же быть

таким ревнивым, в самом деле...

Уже совсем стемнело, когда Майя, заметив, что Владимир куда-то пропал, пошла разыскивать его, но вместо своего парня наткнулась в коридоре на Илью, который едва стоял на ногах. Полчаса назад его отвели в спальню и уложили, чтобы он хоть немного поспал. Однако вошедший во вкус парень не пожелал оставаться в стороне от своего праздника и кое-как выбрался из постели в коридор, где и столкнулся с Майей.

– Вот ты где, – обрадовался он, перепутав её с молодой женой, – а я тебя ищу-ищу. Иди сюда, тут никого нет.

И не успела Майя ни вырваться, ни сказать ему ни слова, как он, толкнув её в спальню, повалил на кровать и подмял под себя.

– Илья, Илья! Опомнись! – попыталась освободиться Майя, но в это время в дверях возникла фигура невесты, и Лида страшно закричала, оттаскивая своего мужа от лежавшей под ним девушки.

Илье она вlepила сильную пощёчину, а потом повернулась к Майе и, сверкая глазами, выкрикнула ей в лицо:

– Убирайся вон! И никогда не смей приходить сюда! Завистливая дрянь!!! Сейчас же уходи! И запомни: ты мне больше не подруга, поняла?

Глава 4

Владимир догнал Майю уже почти возле интерната и остановил, удержав её за руку.

- Что случилось? Почему ты ушла и плачешь?

- Мы поссорились с Лидой, - всхлипнула девушка. - Она сказала, что мы больше не подруги. Володя! Но мы и не были подругами, мы были сёстрами! Понимаешь? Я вообще не помню себя без Лиды! И теперь не знаю, что делать, потому что у меня не осталось на этой земле вообще ни одного близкого человека!

- А я? - Владимир отстранил девушку и заглянул ей в глаза. - Я же тебя люблю...

- Я тоже тебя люблю, - ответила она. - Но это совсем другое. Ты же мужчина.

- Я мужчина, - кивнул Владимир, - и привык все проблемы решать по-мужски. Пойдем назад и я сам поговорю с Лидой. Пусть она объяснит, что произошло и вы помиритесь.

- Нет! - воскликнула Майя, испугавшись того, во что могла превратиться свадьба её подруги. Если Володя узнает о том, что натворил Илья, он просто приберет его, ведь он такой ревнивый. - Пожалуйста, не надо. Лида беременная и ей нельзя волноваться. К тому же там столько гостей. Я потом обязательно поговорю с ней сама. А сейчас проводи меня в интернат. Я отпрашивалась до десяти, а уже почти девять.

Это даже хорошо, что я приду раньше, потому что сегодня дежурит Клаша, а ты её знаешь.

- Майя, - пьяно хихикнул Владимир. - А может быть ко мне?! Пойдём, а? Мои предки укатили на дачу, зависнут там до завтра. Хата свободна и нам никто не помешает. Идём?

- Нет, - смущённо покачала головой Майя, прекрасно понимая, что он имеет в виду. - Володя, давай в другой раз.

- Но почему? - не понял он. - Мы же взрослые люди и любим друг друга. Как только ты выступишься из своей богдельни, мы сразу поженимся. Мои против не будут. А у тебя всё равно никого нет.

- Ты рассказал обо мне родителям? - удивилась Майя.

- Пока ещё нет, но скоро я вас познакомлю, - махнул рукой Владимир и обнял её за плечи. - Пойдём...

- Нет, Володя, прости, - она сняла его руку со своего плеча. - Я так не могу. Мы не должны... Мне надо привыкнуть, прости.

- А я что должен делать? - вспыхнул Владимир. - Ждать, когда ты наконец-то созреешь? Майя, я живой человек и хочу тебя. Это физиология, ты же должна понимать. Лидка твоя вон уже беременна и замужем!

- Вот именно, она замужем, а я нет! - воскликнула Майя. - И вообще, я хочу не физиологию, а любви! Понимаешь? Хочу быть уверенной в том, что ты меня любишь по-настоящему! Можешь считать меня романтической душой, но я не могу по-другому!

- Тебе нужно доказательство моей любви?! - усмехнулся Владимир и вдруг с размаху ударил кулаком по кирпичной стене дома, возле которого они стояли. Ударил раз, другой, третий, сдирая кожу на костяшках и разбивая кулак в кровь.

- Это не достаточное для тебя доказательство?!

Округлившимися от ужаса глазами Майя смотрела на парня так, будто видела его впервые. Его лицо, искажённое от гнева, потеряло всю свою привлекательность и теперь напоминало какую-то страшную маску.

- Как ещё я должен доказать тебе свою любовь?!

- Дурак! - воскликнула Майя, развернулась и бросилась бежать. Больше всего она боялась, что он догонит её, и пулей влетела в ворота интерната, ни разу не оглянувшись. А если бы посмотрела назад, увидела бы, что Владимир стоит на том же самом месте и просто смотрит ей вслед.

Наконец он сплюнул, немного потряс зудящий кулак, повернулся и пошёл прочь, бросив ей через плечо:

- Да пошла ты, дура!

А вернувшись домой, набрал номер своего друга:

- Лёха, что вы там, не заняты? Подваливайте ко мне и прихватите какую-нибудь тёлку для меня... Друзья явились через полчаса и утром Владимир проснулся в одной постели с девицей, которую даже не помнил по имени... А вечером, с букетом цветов пришёл к Майе, чтобы извиниться перед ней.

- Ты, это... Прости меня...- проговорил он виноватым тоном.

- Я вообще редко пью, только когда есть какой-нибудь

очень уж серьёзный повод. Да ты и сама знаешь это. Пони-
маешь, я с алкоголем не дружу, у меня всегда от него сносит
башню. Причем неважно, что я выпил - вина, пива или вод-
ки, результат один и тот же.

- Как твоя рука? - спросила Майя.

Он пожал плечами:

- Болит...

- Дай посмотрю!

Она осторожно взяла его руку и сначала подула на его ра-
ны, а потом также осторожно прикоснулась к ним губами.
Сердце зашло в груди у парня.

- Майя, - прохрипел он, обуреваемый такими чувства-
ми, которые никогда не испытывал с другими девушками. -
Майя, ты самая лучшая. И я люблю тебя, правда. Я очень
сильно тебя люблю...

Она подняла на него взгляд блестящих глаз:

- И я люблю тебя, Володя. Я всю жизнь буду любить тебя
одного! До самой смерти...

- Ты никогда не пожалеешь об этом, - улыбнулся он ей. -
Я докажу это тебе. Только не так.

Он показал глазами на разбитую руку.

- Я дождусь тебя. Дождусь, когда ты сама придешь ко мне.
А ещё ты увидишь, какой я романтичный. И тогда ты пой-
мёшь, что не ошиблась, выбрав меня.

Владимир сдержал своё слово: он был ласков и ненавяз-

чив, дарил ей цветы, приносил сладости и целовал так, что у неё кружилась голова. Но только целовал, не позволяя себе ничего лишнего. А в день её рождения устроил такой праздник, какого в жизни Майи не было никогда. Они катались на лодочке по озеру, гуляли по парку, где встретили уличного фотографа, сходили в кино, а потом он пригласил её к себе домой и сказал, что хочет познакомиться со своими родителями.

- Ой, я боюсь! - испугалась девушка.

- Я тоже, - рассмеялся он.

А через полчаса представлял ей своего отца, Андрея Петровича, и мать, Валентину Васильевну.

- Это вам, - смущённая Майя вручила внимательно смотревшей на неё женщине цветы. - Вы очень красивая...

Улыбнувшись на неловкий комплимент, Валентина пригласила девушку и сына к столу:

- Мы вас ждали. Володя много рассказывала о вас и нам приятно познакомиться с вами.

- Что вам налить? - поинтересовался отец Владимира. - У вас ведь сегодня день рождения?

- Да, - кивнула Майя. - Только спиртное я не пью. Совсем. Поэтому если можно, сок.

- С удовольствием, - ответил Андрей Петрович. - Ну что, сынок, мне нравится твой выбор. Я хочу поднять тост за вас, Майя! Пусть у вас всегда всё будет хорошо!

В тот вечер Майя засыпала в своей постели по-настояще-

му счастливой. Она верила в светлое будущее, которое ждало её вместе с Володи́ей, и даже не догадывалась, что едва за ней закрылась дверь квартиры Олейниковых, как отец и мать в один голос заявили задержавшемуся сыну:

- Эта детдомовская девица без роду и племени тебе не пара, сынок. Надеемся, нам больше ничего не нужно объяснять тебе?

- Что тебе сказали твои родители? - спросила Владимира Майя, когда он вышел к ней.

- Ты им очень понравилась, - улыбнулся парень. - И у нас с тобой обязательно всё будет хорошо. ***

Праздник, организованный в честь выпуска Майи и её сверстников из Интерната, был как две капли воды похож на Лидин: подготовка, торжественная часть, вручение аттестатов, концерт, скромное застолье. И хотя рядом с Майей в этот день был Владимир, её настроение всё-таки было подпорчено тем, что Лида так и не пришла на праздник своей бывшей подруги.

- Да ладно, не кисни, - взял девушку за руку Володя. - Так бывает, что люди приходят и уходят из нашей жизни. У тебя ещё будет много подруг. А ещё с тобой рядом я., и я очень сильно тебя люблю. Ты же помнишь об этом?

- Да, - кивнула Майя и тепло улыбнулась парню.

- А вот тебе доказательство моей любви, - он взял её руку и вложил в ладонь ключи.

- Что это? - удивилась девушка.

- Ключи от квартиры, которую я снял для тебя, - спокойно пояснил он. - Первый месяц уже оплачен. Так что можно поехать и посмотреть её прямо сейчас.

- Ты хочешь, чтобы я там жила с тобой? - подняла на него глаза Майя.

- Не каждый день, конечно, родители не поймут, - сказал он. - Но время от времени смогу у тебя оставаться. Или ты против?

- Нет, конечно не против, - улыбнулась Майя. - Давай попробуем. Только, Володя, пожалуйста...

- Да понял я, понял, - нервно проговорил он. - Я же обещал дожидаться, когда ты сама придёшь ко мне. Квартира, кстати, двухкомнатная и у тебя там будет собственная спальня, которая закрывается на ключ.

Майя благодарно улыбнулась ему, но в первый же вечер, когда он слишком настойчиво попытался обнять её перед сном, расплакалась и сказала, что уйдёт прямо сейчас, если он не прекратит приставать к ней.

- Ой, всё! - отмахнулся он от неё, лёг на диван в гостиной, уткнулся лицом в подушку и постарался уснуть, чтобы не сорваться на девушку.

Следующие две недели пролетели как один день. Майя заботилась о Володе, готовила ему еду, наводила порядок в квартире, вечерами встречала его с работы, кормила ужином. Потом они гуляли или смотрели по телевизору какое-нибудь кино. Но ближе к ночи девушка действительно

требовала, чтобы он отправлялся домой.

- Майя, а может хватит играть в этот детский сад? - не выдержал в конце концов Владимир. - Я устал, понимаешь? Сколько можно? Или ты собираешься спать со мной только после свадьбы? Опомнись, солнце моё! Мы живём не в восемнадцатом веке. На дворе девяносто второй год. Сейчас все по-другому и люди строят отношения по-современному! Или подожди... А, я понял! Ты просто едешь мне по ушам! Ты чешешь мне, что любишь и все эти бла-бла-бла! А на самом деле я для тебя ничего не значу, так?

- Ну что ты такое говоришь? - вспыхнула Майя. - Я очень тебя люблю. Просто я хочу быть уверена, что ты... что мы...

- Что ты там мычишь? - рассердился Владимир. - Не хочешь меня, так и скажи. Тогда я уйду и всё! И хватит делать мне мозги! Поняла?

- Володя... - бросилась к нему Майя, но он оттолкнул её и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Несколько дней он совсем не появлялся и она напрасно ждала его, каждый вечер готовя вкусный ужин. А когда Майя звонила ему домой, трубку поднимал или его отец или мать. Они говорили, что сына нет дома, но никаких вопросов не задавали и быстро прощались с девушкой, не желая затягивать разговор. Не дождалась Майя Владимира и в день его рождения, двадцать пятого июня. Напрасно она накрыла праздничный стол, напрасно приготовила подарок, специально нанимаясь мыть подъезды, чтобы заработать для этого деньги. Он не

- Вон пошла! - прикрикнул на одевающуюся девицу Владимир. Та фыркнула и вышла из спальни. Ещё через минуту хлопнула входная дверь, защёлкнувшейся на замок: Владимир и Майя в квартире остались совершенно одни.

- Что тебе сказала Лидя? - спросила она.

- Что ты хотела переспать с Ильёй. А она застучала вас! - пьяно рассмеялся Владимир, протянул руку к бутылке и сделал несколько крупных глотков прямо из горлышка. - Как смешно, правда? Ты спишь с кем попало, даже с мужем своей подруги! А меня динамишь по полной! Но теперь хватит. Не буду нянчиться с тобой.

- Что ты делаешь? - закричала Майя, но он уже разорвал на ней блузку, а потом бросил девушку на кровать.

- Ты больше не Майя! - рычал он ей прямо в лицо. - Ты моя!!! Понятно тебе, моя!!! Кричи, давай, кричи! Мне нравится, когда кричат!!!

Долго, очень долго Владимир не разжимал своих объятий и иногда ему казалось, что он треплет красивую куклу, а не живую девушку из плоти и крови. Он так и уснул, сжимая её в объятиях и бормоча, что теперь она всегда будет принадлежать только ему. Было уже около трех ночи, когда Майе удалось выбраться из постели. Она кое-как оделась, а разорванную блузку завязала на груди узлом. Потом постояла немного, глядя на спящего парня, и ушла, плотно закрыв за собой дверь.

Владимир проснулся около полудня и не сразу вспомнил, что произошло ночью. Только когда он поднялся с кровати и увидел на простыне алые пятна, закричал от охватившего его ужаса.

- Господи, что я натворил!!! Майя!!!

Уже через пятнадцать минут он был у неё дома и открыл дверь своим ключом. Но девушки там не было. На столе лежала записка, всего лишь с одним словом:

- Прощай...

Владимир схватил её и, завыв, прижал к губам. Майи в его жизни больше не было.

Глава 5

Мягко покачиваясь на неровном дорожном полотне, междугородний Икарус плыл, возвышаясь над другими машинами, снующими по дорогам. Он выезжал из автовокзала областного центра медленно и уверенно, словно специально давал пассажирам время привыкнуть к тому, что город, который они ещё могут видеть из окна, скоро исчезнет, а впереди их ждёт только дорога.

– Фо-о-о... – басовито загудел автобус на парня, перебежавшего дорогу чуть ли ни под самыми его колёсами.

Некоторые пассажиры испуганно вздрогнули, но Владимир не обратил на Икарус никакого внимания. Он торопился в интернат Майи, чтобы узнать, не приходила ли она туда, а может быть и сейчас находится там. В конце концов, она выросла в его стенах и могла обратиться за помощью и поддержкой только туда. Только бы найти её... Только бы она согласилась выслушать. Тогда он сумеет вымолить у неё прощения, будет стоять перед ней на коленях столько, сколько понадобится. И она обязательно простит его.

Майя не увидела Владимира. Как раз в это время она склонилась над сумочкой, чтобы убрать туда паспорт. А когда снова посмотрела в окно, Владимир уже затерялся в толпе, даже не догадываясь, что та, кого он так хотел найти, только что наугад купила билет на первый попавшийся рейс

и всего пару минут назад была совсем рядом с ним.

Летний жар накрыл всю округу плотной крышкой, никому не позволяя выбраться из-под неё, и даже в тени люди и животные задыхались, мечтая хоть о слабом дуновении прохладного ветерка. Солнце не просто светило – оно как будто прожаривало воздух, делая дальние поля расплывчатыми, как в мареве. Пыль на обочинах светилась золотом, а редкие деревья возле дороги казались ещё более измученными от зноя, чем все остальное.

Иногда Майе казалось, что автобус стоит на месте, приклеившись к тягучему, расплавленному асфальту, а мимо него проплывают кукурузные, пшеничные и ржаные поля, местами – выгоревшая трава, и заросшие серебристой полынью окраины деревень.

Соседка Майи несколько раз пыталась заговорить с девушкой о новостях, которые недавно слышала по телевизору или прочитала в газете, рассказывала ей, что едет в гости к внукам и что её дочка, такая умница, уже наготовила для неё и окрошки, и холодца, и нажарила котлет. Она теперь живёт в деревне Мигулино, потому что её муж родом оттуда.

– Хозяйство держат большое, огород и всё такое. Но я была против того, чтобы Нина переезжала к мужу. Да разве влюблённую женщину может кто-нибудь удержать? Вот и моя дурёха забралась в эту глушь. Хотя, с другой стороны, у неё ж дети. А там, в деревне всё натуральное – и ово-

щи, и мясо и молочко. А наш молочный комбинат закрыли. Слышала? Разорился, говорят. А я не верю. Сейчас времена-то какие! Ничего не разберёшь, что происходит. В позапрошлом месяце директора обувной фабрики в лесу нашли, представляешь? Не поделился с кем-то, видать. Что? И об этом не слыхала? Да ты откуда взялась-то? С Луны, что ли, свалилась?

– Нет, – покачала головой Майя.

– Вот то-то же! Все мы на Земле живём, тут и помрём. На земле и помирать будем. Сейчас с этим просто. Дочка моей знакомой, представляешь, всю жизнь учительницей работала. А как платить перестали, быстренько уволилась и стала за границу мотаться. В челноки, стало быть, подалась. Она-то в школе английский преподавала, язык знала, быстренько так на нём шпрехала. Ну так вот. За полгода раскрутилась так, что мама не горюй. Муж с завода ушёл, стал домашними делами заниматься, ну и таксовать заодно. Так Галинка ему новую машину купила. Иномарку какую-то. Я в них не разбираюсь. Видела только, что зелёная. Детей в модное шмотьё одела, сама такая расфуфыренная стала. Сразу было видно, что денег куры не клюют. А позавчера звонит мне Зинка, мать её. Плачет, заливается. Галинка домой возвращалась, на поезде ехала. Ну вот. Там её и ограбили, а саму с поезда сбросили. Вот Зинка всех и обзванивала, дочке на похороны деньги собирала. А откуда у меня деньги? Я по заграницам не моталась, большую деньгу не заколачивала. Так вот, де-

вонька, и живём. А ты сама-то куда едешь? К папке с мамкой, поди?

– Детдомовская я, – повернулась к ней Майя, собирая волосы так, чтобы они не мешали, но несколько прядей все равно прилипали к вискам от тёплого воздуха, слабенько просачивавшегося в салон из вентиляционных щелей... – Нет у меня родителей, и никогда не было.

Женщина мгновенно притихла, потом склонилась к проходу и стала смотреть на дорогу через лобовое стекло Икаруса. Майя тоже отвернулась к окну, но краем глаза успела заметить, как соседка подтянула к себе сумку, поставила её на колени и крепко вцепилась в ручки толстыми пальцами.

Когда же на два места впереди освободилось сиденье, она пересела туда, напоследок с опаской обернувшись на усмехнувшуюся Майю.

Больше до конца пути девушку никто не тревожил, и она смогла наконец-то, обдумать всё, спокойно и рассудительно.

Выйдя на автовокзале небольшого городка, Майя первым делом отыскиала доску объявлений и принялась изучать те, которые могли бы подойти. В конце концов, она сорвала несколько номеров и отправилась к таксофону, чтобы позвонить и узнать, не нашлись ли на требуемые места работники.

Ей удивительным делом повезло. На территорию одного из городских предприятий требовался дворник, которому предоставлялось жильё – малюсенькая конурка, в которой находились стол, табурет и никогда не раскладывающийся

диван, потому что там для этого просто не было места.

– Слава богу, – обрадованно говорила ей невысокая худощавая женщина Вера Павловна, принимавшая её на работу. – Тут до тебя я работала, а сейчас появилось место в укладчицах, и если бы не ты, туда взяли бы вместо меня кого-то другого. Слушай, а мы раньше с тобой нигде не встречались? Что-то лицо твоё мне как будто знакомым кажется...

– Нет, – покачала головой Майя. – Я только сегодня сюда приехала, а до этого в областном центре жила.

– Иди-ка! – удивилась Вера. – Ну, ты везучая, девка. Только приехала, а уже и работа у тебя есть и жилье. Мало кому так подфартить может. А по поводу города, так и я тут всего восьмой год как живу. До этого тоже в областном центре обитала. Замужем там даже была, только развестись пришлось. Помотала меня жизнь малость. Показала себя с разных сторон. Потом смиловилась. Вот. Короче, встретила я одного мужичка, а он местный. Позвал к себе. Семь лету уже вместе живём. Дитя даже прижили. Полинку. Пять лет девчонке зимой будет. Большеглазая, как и ты. Ой, а зовут-то тебя как?

– Майя, – улыбнулась Вере Павловне девушка. – Майя Владимировна Волкова.

Железная кружка, которой Вера зачерпнула воды из ведра, чтобы напиться, со звоном выпала из её рук.

– Как? – побледнела она, уставившись на Майю так, будто увидела привидение.

– Майя Владимировна Волкова... – повторила озадаченная девушка. – Вера Павловна, вам плохо?

– Нет. Ничего. Нормально, – как-то странно и отрывисто заговорила та. – Слушай. Ну вот тебе ключи. Тут рабочая одежда, метлы, лопаты, грабли. Инструмент, в общем. Завтракать, обедать и ужинать будешь ходить в столовую, тут за углом кирпичное здание, увидишь. За зарплатой в бухгалтерию. И расписаться туда завтра сходи. Прямо по аллее, как раз в дверь управления упрёшься. А я пошла.

– До свидания! И спасибо вам! – поспешила за ней Майя, но Вера, только махнув рукой, уже скрылась за углом дворницкой.

Дальше Майя всё осматривала сама. За стенкой бок о бок примостились унитаз и раковина, на стене висел таз, в котором можно было помыться или постирать вещи. Ни ванной, ни душа, ни других каких-либо удобств в дворницкой не предполагалось. На столе стояла электрическая плитка, с нагревающейся спиралью. В шкафчике на стене Майя нашла маленькую кастрюльку, сковородку и чайник. Там же стоял грязный стакан в медном подстаканнике, ложка и глиняная миска с отбитым краем.

Увидев всё это, кто-то бы отшатнулся и отказался жить в таких условиях, но Майя даже обрадовалась этому незавидному жилью. Она привыкла довольствоваться малым и не ждала какой-то особенной роскоши. Теперь у неё была крыша над головой, и она могла зарабатывать себе на жизнь, не

ожидаю ни от кого ни жалости, ни помощи.

Впрочем, Майе повезло не только с этим. Согласно ещё одному объявлению, в один из ресторанов требовалась посудомойщица, и по счастливой случайности этот ресторан находился буквально в одном квартале ходьбы от дворницкой, где поселилась девушка. И часы работы ни там, ни там, не совпадали. С шести часов утра до двух часов пополудни она работала дворником, потом отдыхала и в пять часов вечера приходила в ресторан, где принималась за мытьё посуды.

И жизнь её потекла ровно и спокойно...

Вера в гости к девушке не заходила, лишь иногда, заметив издали, махала рукой и тут же скрывалась, будто избегая удивлённой таким отношением Майи. Впрочем, задуматься об этом она совсем не хотела.

Но была очень удивлена, когда однажды под вечер кто-то постучался в её каморку.

В интернате никто не смог сказать Владимиру, где может находиться Майя.

– Вы что, не отслеживаете, как и где живут ваши бывшие воспитанники?! – возмутился тот. – Разве так можно? Вам что, всё равно?!

– Не надо тут кричать, молодой человек, – осадила его Клаша. – Во-первых, мы во всем следуем букве закона и не нарушаем его даже в мелочах. Во-вторых, на каком основании вы требуете от нас сведений о Волковой? В-третьих, да-

же если бы мы знали, где она и что с ней, не стали бы делиться с вами этой информацией. А в-четвертых, если вы не прекратите кричать и безобразничать, я вызову наряд милиции и дальше вы будете объясняться не с нами и не здесь.

– Значит, вы действительно ничего не знаете? – поумерил свой пыл Владимир.

– Действительно ничего, – сухо ответила ему Клаша.

– Ладно, я понял, не надо милиции, – опустил голову Олейников и пошёл прочь, думая, где же ещё он может найти пропавшую Майю.

Он вернулся домой и без сил упал на кровать, обхватив голову руками, и вдруг его взгляд упал на небольшой свёрток, перетянутый праздничной лентой. Её подарок!

Дрожащими пальцами он потянул за тесьму, развернул нарядную обёртку и увидел большой красивый альбом, сделанный в виде книги, на форзаце которой было написано рукой Майи:

– Страницы нашей жизни тебе в подарок, Володя. Я тебя очень люблю! Твоя Майя. 25.07.1992 год.

А в трёх пластиковых кармашках были вставлены фотографии, которые они сделали в день её рождения – первого мая. Вот они обнимаются и, улыбаясь, смотрят в камеру фотографа на фоне фонтана, вот смеются, летя над землёй на цепной карусели «Вихрь», а здесь идут по аллее и держатся за руки, такие счастливые...

Прижав к груди альбом, Владимир горько заплакал впер-

вые после далёкого детства...

Он не сдавался ещё несколько месяцев, и каждый день пытался отыскать Майю – расклеивал её фото по городу, давал объявления по радио, в надежде, что она услышит его и отзовётся. Вечерами колесил на новенькой девятке по улицам и всматривался в прохожих, мечтая случайно встретить пропавшую девушку.

Всё оказалось бесполезным. И Владимир сломался. Однажды друзья, обеспокоенные его состоянием, настояли на том, чтобы он пошёл отдохнуть с ними в бар. Но вместо того, чтобы просто развлечься, Владимир напился так, что парням пришлось тащить его домой на руках.

Мать попричитала над бесчувственным сыном и уложила спать, радуясь, что отец в это время был в командировке и не увидел его в таком состоянии. Владимир проснулся на следующий день под вечер и долго лежал в кровати, пытаясь сообразить, какой сегодня день. Впервые за долгое время заноза в его сердце практически не ощущалась, и он даже обрадовался найденному решению.

Пройдя мимо матери и хмуро поздоровавшись с ней, он не стал слушать её причитания и нравоучения, достал из шкафчика непочатую бутылку виски и ушёл с ней в свою комнату, не забыв закрыть за собой дверь на ключ.

Напрасно Валентина стучалась к нему, напрасно плакала у двери и упрекала его в том, что он совсем её не любит и не

жалеет. Выпив бутылку чуть ли не залпом, Владимир снова уснул и, плутая по бредовым, сюрреалистичным снам ни разу не вспомнил ни о Майе, ни о своей истерзанной совести.

– Андрюша, – рыдала Валентина на плече мужа. – Что нам делать с Володенькой? Господи, он ведь просто убивает себя этим алкоголем. Нельзя же так пить, Андрей! Сделай что-нибудь, очень тебя прошу!

– Я попробую, – обещал Андрей жене, но и у него ничего не получилось.

Каждый день, проспавшись, Владимир обещал отцу, что это было в последний раз, а потом напивался снова. Не выдержав, Андрей даже устроил скандал и выгнал сына из дома. Но потом сам неделю искал его по друзьям и притонам, и вернул домой, когда Валентина уже совсем отчаялась увидеть сына живым.

– Помнишь тут девушку, – сказал жене Андрей как-то утром. – Как её звали, я забыл? Маша? Нет, подожди. Там было какое-то необычное имя. Марта что ли...

– Майя, – подсказала Валентина.

– Да! Точно! – щёлкнул пальцами Андрей. – Нам надо найти её и привести сюда. Может быть, она повлияет на него? Кажется, она ему нравилась.

– А что, если это всё именно из-за неё? – покачала головой Валентина. – Вдруг это она довела его до такого состояния? Обидела, оскорбила или даже изменила? Ты ведь знаешь, какие сейчас девушки, а Вова у нас ранимый и чувстви-

тельный мальчик.

– Всё равно, – уверенно сказал Андрей. – Из этого болота нашего сына может вытащить только женщина. И мы должны попробовать сделать это, чего бы нам это ни стоило...

Владимир как раз снимал с вешалки свежую футболку, когда в его комнату постучалась мать.

– Сынок! Куда ты собираешься? – ласково улыбнулась она ему.

– Пройдусь перед сном, – ответил он, не глядя на неё.

– А может быть, останешься дома? Скоро вернётся папа. Он поехал на вокзал, чтобы встретить одну девушку. Хочешь увидеть нашу гостью?

– Ма-а-ам, – медленно повернулся к ней Владимир. – Ты это о чём?

В дверь позвонили.

– Сам откроешь или я? – снова улыбнулась Валентина сыну.

Не ответив ей, он бросился из комнаты, не веря в то, что сейчас наконец-то увидит Майю.

Глава 6

– Да-да, открыто! – крикнула Майя, поднимаясь с постели. – Заходите. Кто там?

– Я, – послышался знакомый голос, и на пороге дворницкой появилась Вера Павловна с пакетом Мальборо в руках, на котором лихой ковбой в джинсовой рубашке готовился бросить лассо. – Можно?

– Конечно! – обрадовалась старой знакомой девушка и тут же мягко упрекнула её: – Что же вы, Вера Павловна, обещали заходить ко мне в гости, а сами забыли о своём обещании.

– Да я собиралась, честно, – вздохнула та. – Да вот все никак дойти не могла. Ну как ты тут? Слышала, справляешься хорошо. Руководство хвалит тебя.

– Ничего, работаю, – кивнула Майя, глядя, как Вера достаёт из пакета и ставит на стол две литровые банки с маринованными помидорами и огурцами, кусок сала, жёлтую баночку с маргарином Рата, батон, десяток яиц, два шоколадных батончика и пару крупных яблок.

– Что это, Вера Павловна? – смутилась Майя. – Зачем вы? Не надо. У вас же своя семья. А у меня всё есть.

– Я вижу, – усмехнулась та, показывая на полупустую пачку макарон, дешёвенький чай в пакетиках и несколько кубиков сахара-рафинада в стеклянной сахарнице. – Вон как обедаешься, с лица спала, под глазами синяки.

– Да это я не очень хорошо себя чувствую в последнее время, – улыбнулась ей Майя. – Но, Вера Павловна, мне, правда, очень стыдно, что вы так заботитесь обо мне.

Вера вынула из-за пазухи бутылку наливки:

– Вот, давай пропустим с тобой по стаканчику, и поговорим, кто и перед кем стыдиться должен.

– Я не пью, – покачала головой Майя. – Да и мне через два часа выходить на работу. Хороша же я буду, если отправлюсь туда пьяной.

– Так я же не предлагаю напиться, – пожала плечами Вера. – Я только так, чтобы разговор начать... Тяжёлый он будет разговор этот. И не знаю я, простишь ты меня или нет.

– Вы о чём это, Вера Павловна? – они присели к столу, и Майя подала ей вымытый до блеска стакан под наливку, а к себе подвинула чашку с недопитым чаем. – Вы ни в чём передо мной не виноваты.

– Ты ведь первого мая родилась? – опустошив полный стакан наливки, Вера посмотрела в глаза Майи.

– Да, а вы откуда знаете? – удивилась девушка.

– Знаю, – Вера на какое-то мгновение закрыла ладонью глаза, а потом заговорила быстро и почему-то громко. – Я ведь роды у твоей матери принимала.

– Что??? – рука Майи дрогнула, и она разлила чай на стол, даже не заметив этого.

– Да, девочка. Я медсестрой работала в одном медпункте вместе с фельдшером, так сказать ассистировала ему. У нас

их было двое, Петрович, уже почти старик. И Нина, не старая ещё женщина, но, в общем-то, очень опытная. Так вот. Первого мая, в семьдесят четвёртом году это было, вместо Петровича на дежурство вышла Нина. Пьяненькая уже. День проходил спокойно, народ гулял, отмечая праздник. Ничего необычного мы не ждали. Пропустили пару рюмочек, концерт включили, когда вдруг услышали какую-то возню у двери.

Это была твоя мать, Майя. У неё уже шёл полным ходом родовой процесс, и вскоре я уже держала тебя на руках. Ты похожа на неё очень. Она тоже была красивой, только лицо от боли постоянно искажалось, и стонала она так страшно. Но когда схватки прекращались, и она расслаблялась, я видела, какая она красивая на самом деле.

– Моя мама... – в глазах девушки заблестели слёзы. – Я ничего не знаю о ней, расскажите!

– Я тоже ничего не знаю, – Вера снова наполнила стакан и выпила его, чтобы добавить себе храбрости. – Не было у неё при себе ни документов, ни вещей, вообще ничего. Кто она и откуда, неизвестно. Платье только такое, знаешь... светлое, а на груди и по подолу вышивка – гроздь сирени. Наверное, она у тебя рукодельницей была. Очень уж нарядно это сирень смотрелась. Да только нам не до сирени было. У матери твоей кровотечение открылось, сильное такое. Мы с Ниной неотложку вызвали, они приехали и её увезли, а тебя нам оставили. Мы потом узнавали – померла твоя мать. Не успе-

ли её спасти.

Вера вздохнула и продолжила:

– Это потом я узнала. А сразу после того как всё произошло, к нам милиция пришла. Мы же не могли тебя просто так у себя оставить. А ты лежишь и плачешь, чья внучка, чья дочь, ничего не известно.

– Но я же Волкова! – воскликнула Майя, пытаюсь ухватиться хоть за какую-то ниточку. – И отчество у меня есть – Владимировна.

– Отчество у тебя в честь Ленина, – махнула рукой Вера. – Портрет его на стене висел, вот мы и подумали, что будешь ты Владимировной. А имя в честь месяца дали. Ты родилась первого мая, вот и стала Майей. Ну и Волкова тоже от нас пошло.

– О, Господи! – воскликнула девушка и закрыла лицо руками, облокотившись о стол. – Вера Павловна...

– А что, Вера Павловна? – рассердилась вдруг та. – Я мать твою не убивала и смерти ей не желала. Конечно, жалко, что она умерла. Но тут уж и её вина есть. Почему раньше в больницу не обратилась? Как могла отправиться рожать, не имея при себе никаких документов? Она ведь кроме «Помогите!» нам и не сказала ничего. А я всё равно за всё это поплатилась. Я одна. Мать твоя померла, и ей все боли и обиды человеческие стали нипочём. Ты вон выросла какой девахой. С руками и ногами, работающая, красивая. Нинка тоже выкрутилась. К Данилову своему бросилась, пост он в то вре-

мя высокий занимал, а с ней от жены когда-то погуливал. Ну и не бросил в беде старую любовницу. Получила она год исправительных работ, да и то условно. Бросила всё и уехала куда-то сразу после суда. Ищи-свищи ветра в поле. А мне срок хороший дали. Муж, узнав об этом, со мной развёлся, новую семью создал. А я от звонка до звонка отсидела и потом ещё пару лет по земле слонялась, искала, куда голову приткнуть. Спасибо, мужик мой нынешний встретился. Помог, приютил. Расписались с ним даже. А без него, пропадай моя головушка...

– А где похоронили маму? – с замиранием сердца спросила Майя, выслушав исповедь Веры.

– Не знаю я, касатушка. Ничего не знаю, – вздохнула та. – Меня ведь сразу начали по допросам таскать, до того ли мне было, чтобы что-то о ней узнавать. Как безымянную похоронили где-нибудь, под номером. Так всегда делается, если о человеке ничего узнать невозможно.

Она помолчала немного и вдруг спохватилась:

– Да что ж ты не ешь-то ничего?! Давай я тебе бутерброд сделаю с маслом. Дочка моя за обе щёки такие уплетает...

– Ой, нет, не хочу, – покачала головой Майя. – Я уже несколько дней почти ничего не ем. А вот огурчики ваши и помидоры попробую.

– Ешь-ешь, – закивала Вера, – со свежего урожая это. Све-круха у меня в деревне живёт. Вёдрами овощи нам передаёт. Ешь, я тебе ещё потом принесу, если разрешишь прийти к

тебе.

– Приходите, – сказала Майя.

– Ишь ты, – протянула Вера. – Не сердишься, значит? А я боялась, что осудишь за мать. Мол, врачи, как же вы её не спасли... Думала, что прогонишь... может быть, поэтому и не шла к тебе раньше. Всё с духом собиралась.

По щеке Майи скатилась слезинка:

– Не сержусь, Вера Павловна. И даже благодарна за то, что вы хоть что-то рассказали о моей маме. Теперь я знаю, что она не бросила меня, что, конечно же, любила и хотела, чтобы я жила. Знаю, что мама была рукодельницей и красавицей, а не горькой пьяницей, как почти у всех детей, которые находятся в детском доме. Всё это очень греет мне душу, и я правда не сержусь на вас, потому что вижу, какая вы добрая...

– Девочка моя, – расплакалась Вера. – Как хорошо, что ты выросла такой, какая есть. Твоя мама очень бы гордилась тобой, уж я-то точно это знаю...

Они проговорили ещё около получаса и Вера, слушая о том, как жила в детском доме Майя, с любопытством посматривала на девушку, которая, не замечая этого, доедала уже последний помидор, достав его из банки. Огурцы закончились ещё раньше, и Майя не забыла похвалить очень вкусный посол.

– Послушай, – как бы невзначай спросила девушку Вера. – Ну а жених-то у тебя был? А может, есть кто-нибудь из

наших? У нас парней много и все красавцы, как один.

– Не нужен мне никто, – проговорила Майя, не замечая подвоха в вопросе Веры. – Потому что не бывает никакой любви. А без любви я жить не хочу.

– Значит, был парень? – уточнила Вера. – А что же расстались? Не любил, что ли или обидел?

– Обидел, – коротко ответила Майя.

– М-гм, – кивнула Вера Павловна. – А ну-ка признавайся, девонька, спала с ним? Или так может быть что позволила?

Майя покраснела как вишня.

– Вера Павловна! – воскликнула она с укором. – Вы почему меня об этом спрашиваете?

– Тошнит, тебя, говоришь, в последнее время? – склонила голову та. – На соленья вон как налегла. Я ведь медсестра, Майя. С одного взгляда беременность определить могу. Ну, признавайся, есть задержка? Календарь вела?

Майя округлила глаза и поперхнулась недоеденным помидором.

– Нет, – задохнулась она от охватившего её ужаса. – Я как-то не обращала внимания, даже не думала об этом.

– Когда последний раз встречалась со своим ухажёром? Помнишь? – постучала пальцами по столу Вера.

– Двадцать пятого июня, – медленно проговорила Майя.

– Это три месяца уже... – прищёлкнула языком Вера. – Ты вот что, девонька, завтра иди к врачу, пусть осмотрит тебя и скажет, права я или нет.

Майя потянулась к бутылке с наливкой, налила её себе в чашку из-под чая и залпом выпила сладковатый ароматный напиток.

– Вот и хорошо, – похвалила её Вера. – Ну а теперь поспи часок перед работой. А завтра как узнаешь что у врача, позвони своему милому и всё ему расскажи. Не делай, как другие бабы-дуры. Откажет он, не захочет ребёнка, на его совести будет это. А ты на свою душу греха не бери...

Проводив Веру, Майя завела будильник, чтобы не проспать на работу, хотя я не думала, что уснёт. Но потрясения сегодняшнего вечера были так велики, что девушка провалялась в бессвязный сон, едва её голова коснулась подушки. И если бы не звон будильника, она проспала бы так до утра. Но всё-таки заставила себя подняться и идти в ресторан мыть посуду за людьми, которые приходили туда только для того, чтобы порадоваться жизни.

– Ну и что же ты надумала? – пришла на следующий день к Майе Вера. Теперь она принесла ей по трёхлитровому баллону огурцов и помидоров.

– Куда столько? – ахнула Майя.

– Ешь, – махнула рукой Вера. – Тебе полезно. Подтвердилась ведь моя догадка?

Майя покраснела и кивнула.

– И что решила? Рожать будешь?

– Конечно, – вскинула на неё удивлённый взгляд девуш-

ка. – Мама ведь меня родила несмотря ни на что. И я свою доченьку рожу. Я уже даже имя для неё придумала. Вика. Виктория Владимировна Волкова. Красиво звучит, правда?

– Владимировна – тоже что ли, в честь Ленина? – улыбнулась Вера.

– Нет, так зовут её отца, – сказала Майя. – Но фамилия у неё будет моя.

– Звонить-то ему будешь?

– Я не знаю, – в глазах девушки плеснулась тоска.

– Обязательно позвони, – посоветовала ей Вера. – Выслушай, что скажет. А дальше уже сама решай, что да как.

– Вовка!!! – стройная красивая блондинка бросилась на шею Владимира, едва он открыл дверь. За её спиной стоял его улыбающийся отец.

– Ну что, сынок, узнал Светлану? – как-то очень уж весело заговорил Андрей. – Вижу по глазам, узнал! Ещё бы. Школьная любовь не забывается. Помнишь, как я застал вас в подъезде, когда вы целовались под лестницей?

– Дядя Андрей! – смущённо рассмеялась Света. – Вам показалось! Я просто на ушко делилась с Вовкой секретиком...

– Знаю я ваши секретики, – рассмеялся Андрей Петрович. – Сам ведь тоже молодым был. Кстати, сынок, Света учится в Питере, летом получит диплом и вернётся домой, будет учить детишек. Здорово, правда?

– Правда, – Владимир даже не пытался скрыть своего

разочарования. Он и думать забыл об этой Свете, и меньше всего хотел сейчас увидеть именно её.

– Боже мой, я уже полгода не была дома, – всплеснула руками Светлана. – И так рада, что выходные проведу в городе. Как хорошо, что вы пригласили меня в гости, дядя Андрей! Да и родители мои уже очень соскучились.

– Тогда давайте сейчас к столу, – засуетилась Валентина. – А потом Володя отвезёт тебя домой. Сынок, может быть, пригласишь вечером Светочку куда-нибудь?

– Посмотрим, – холодно ответил матери Владимир, но она, как будто не заметив этого, продолжала весело щебетать, угощая всех старательно приготовленными кушаньями.

Два часа тянулись для Владимира необыкновенно долго. Света рассказывала какие-то истории из своей студенческой жизни, отец и мать охали и ахали, нарочито громко смеялись, тоже рассказывали что-то. И только Владимир сидел, с нетерпением поглядывая на часы. А когда Светлана наконец-то стала собираться домой, так быстро вышел в прихожую, что Валентина почувствовала неловкость за сына.

– Видела? – шепнула она тихонько Свете. – Приворожила его что ли, та зараза. Он теперь не спит, не ест, нервный стал, дёрганный. Что с ним делать, ума не приложу.

– Я попробую его отвлечь, тётя Валя, – так же шёпотом пообещала ей Светлана.

И как только осталась с ним в машине вдвоём, начала от-

кровенно заигрывать с ним, ведя себя до неприличия вызывающе.

– Света, ты мешаешь мне вести машину, – попытался он отстраниться от неё. – Посмотри, какой дождь. Дворники едва справляются.

– А мне всё равно, – рассмеялась она, снова загоразживая ему лобовое стекло. – Ты же рядом, солнце моё. И все в этом мире опять прекрасно. А к тучам и дождю я привыкла в Питере. Приезжай ко мне, я покажу тебе город. А ты мне покажи, как соскучился... Помнишь, как ты меня называл: «Моя малышка!» Назови меня ещё раз так, а? Ну назови...

Она взяла в ладони его лицо и повернула к себе.

– Света! – прикрикнул он на неё, отворачиваясь, но она в ответ только рассмеялась.

Владимир был уже на середине перекрёстка, когда замигал зелёный свет светофора, и он утопил педаль в пол, чтобы проскочить опасный промежуток дороги и никому не создать препятствия.

– Вовка, ну почему ты такой серьёзный?! – воскликнула Света. – Ладно, если не хочешь, я сама...

Она наклонилась и коснулась его губ, а машину уже заносило на скользкой дороге. Владимир оттолкнул девушку от себя и попытался снова ухватиться за руль, но всё было бесполезно – вылетев через ограждение, девятка закружилась на скользкой жиже и с размаху впечаталась левой стороной в бетонный столб.

Майя долго прижимала трубку телефона к губам, не решаешь набрать номер, который знала наизусть. Наконец всё-таки начала крутить диск телефона и когда услышала голос матери Владимира, с замиранием сердца попросила позвать его к телефону.

– Валентина Васильевна, это Майя. У меня очень важный разговор для Володи. Вы можете дать ему трубку?

– Володя уехала отдыхать со своей невестой, – с явным торжеством в голосе произнесла Валентина. – А вы, милая девушка, не звоните сюда больше. Наш сын скоро женится, и я не думаю, что он захочет видеть вас на своей свадьбе. Всего вам доброго!

Она бросила трубку на рычаг телефона, не дав сказать Майе ни слова, и когда та почти сразу перезвонила снова, закричала, не сдерживая своего негодования:

– Я же вам сказала, чтобы вы сюда больше не звонили! Вы что, не понимаете русского языка?

– Валентина Васильевна Олейникова? – заговорил с ней вместо Майи какой-то мужчина. – Олейников Владимир Андреевич кем вам приходится?

– Сын, – испуганно пролепетала Валентина.

– Вас беспокоят из больницы номер семь. Ваш сын попал в аварию и находится в тяжёлом состоянии. С ним была девушка, но ей повезло больше. У неё сотрясение мозга средней тяжести и перелом ключицы. Её родители уже на

месте. Им сообщили первым, потом разыскали ваш телефон. Вы можете подъехать сюда?

– Ан...Андре-е-ей!!! – закричала Валентина, сползая на пол по стене. – Андрей, Володенька, наш Володенька... А-а-а!!!

Операция закончилась уже в третьем часу ночи и смертельно усталый хирург, вышедший к Андрею и Валентине, сообщил, что они сделали, что могли.

– Он что умер? – трясаясь всем телом, проговорил несчастный отец.

– Нет, ваш сын жив и будет жить. У него множественные переломы и самое страшное, что задет позвоночник. Однако есть неплохие шансы на то, что он будет ходить. Конечно, это не произойдёт сразу. Владимиру предстоит очень тяжёлая, долгая и, не буду скрывать, дорогая реабилитация. И если он со всем справится, сможет передвигаться на своих ногах. В противном случае – это будет пожизненное инвалидное кресло. Шансы пятьдесят на пятьдесят. Однако после того, что он перенёс, поверьте, даже пятьдесят процентов успеха – это почти победа.

– Мы сделаем всё, доктор, чтобы наш сын снова вернулся к полноценной жизни, – крепко сжал руку жены Андрей, подбадривая её.

– Но есть ещё один нюанс, – проговорил доктор. – И тут ничего не сможем сделать ни мы, ни вы. Характер его травм

такой, что он сможет жить, как вы говорите полноценной жизнью. Но детей у него не будет уже никогда...

Глава 7

Декабрь тысяча девятьсот девяносто второго года выдался на редкость морозным и снежным, и Майя выбивалась из сил, расчищая дорожки ко всем зданиям предприятия. Теперь она просыпалась в пять часов утра, чтобы к семи успеть сделать хоть что-то.

– А ты меньше паши, девонька, – советовала ей Вера. – Не забывай, что под сердцем у тебя не камушек. Ребёночка носишь. Сама в мыле, как лошадь, вон, пот со лба ручьём льётся, а ему там каково?

– Так я же не могу не работать, – мягко улыбалась ей Майя. – Деньги сами себя не заработают. А нам с дочкой нужно будет на что-то жить. Викуле и пелёнки-распашонки нужны будут, и коляска, и питание.

– Ох и упрямая ты, – всплеснула руками Вера. – Всё дочка да дочка. А если сынок родится, что ж ты, меньше его любить будешь?

– Дочка родится, – засияли глаза Майи. – Я вчера на УЗИ ходила. Там сказали.

– Ну, так тем более, – согласилась Вера. – Дочку беречь надо, на то она и девочка.

– Я буду беречь, тётъ Вер! – пообещала Майя. – Всё для неё сделаю. Ветру пахнуть на неё не дам. Ох, только бы скорее она уже родилась...

– Слушай, а что это Колька Клименцов на тебя косится как лошадь на кнут? – проводила Вера взглядом хмурого, немного сутулого Николая, сварщика из второй бригады.

Майя пожала плечами:

– Не знаю. Наверное, обиделся. Он две недели назад приходил ко мне, розу принёс и коробку конфет. Сказал, что давно ко мне присматривается, и что я ему нравлюсь.

– А ты что же? – склонила голову Вера, внимательно глядя на девушку.

– Ничего, – улыбнулась Майя. – Я же вот...

Она погладила свой живот.

– Сказала ему, что беременная, так у него чуть глаза на лоб не вылезли. Под пальто незаметно, вот пока никто и не догадывается... В общем, он как увидел, что я в положении, так розу с конфетами мне в руки сунул и ушёл. А теперь выходит и смотрит.

– Смотрит он, – проворчала Вера. – Лучше бы лопату в руки взял, да снег тебе грести помог. Мельчают, ох мельчают мужики. Слушай, у этого Клименцова тётка родная в отделе кадров работает. Может, поговоришь с ним, пусть тебе полегче работу дадут. Ты же всё-таки беременная. И заявление нужно на комнату в общежитии написать. Общега у нас, конечно, не очень – просто два барака. Зато душ и туалет на каждом этаже. Да и места побольше будет, чем в твоей конурке. Как ты тут с ребёнком поместишься? Это ведь даже смешно. Переезжать надо.

– Ну, работу полегче я просить не буду, – сказала Майя. – Я ведь ничего другого делать не умею. А вот насчёт общезжития схожу, поговорю. В самом деле, у меня очень тесно, да и условия, вы сами знаете...

– Сходи-сходи, – кивнула Вера и посмотрела на дешёвенькие часики, тикающие у неё на руке. – Ой, всё, Майя, я побегу. Итак уже опаздываю. А в обед выйду, помогу тебе лопатой махать.

Девушка благодарно улыбнулась, глядя вслед доброй женщине, которая, несмотря ни на что, стала ей ближе родной.

– Сыночек, – Валентина присела рядом с ним на постели и взяла его руку в свои ладони. – Как ты себя чувствуешь? Что болит?

– Не разговаривай со мной как с ребёнком, мам, – попросил её Владимир и обвёл глазами палату, которая вот уже столько времени была его домом. – Как я могу себя тут чувствовать, скажи? Я больше не мужчина, я бессмысленный овощ, который прикован к кровати. И так теперь будет всегда.

– Не говори так, мальчик мой, – Валентина поднесла его руку к губам. – Прошу тебя не надо. Ты ведь знаешь, как сильно я тебя люблю и как переживаю из-за того, что случилось. Володенька, милый мой... В этом никто не виноват. Просто так получилось. Но мы справимся с этой ситуацией. Обязательно справимся, вот увидишь.

– Никто не виноват? Никто не виноват, мам?! – Владимир повысил голос. – Ты, правда, так считаешь? Так вот, я тебя разочарую! Света мешала мне вести машину. Она лезла ко мне со своими идиотскими поцелуями, а потом произошло то, что произошло!

– Света тоже пострадала, – вздохнула мать. – Правда, её давно уже выписали, а ты пока ещё здесь. Кстати, она хотела прийти к тебе, проведать, поговорить. Наверное, попросить прощения, если она виновата, как ты говоришь.

– Я никого не хочу видеть, а её – тем более, – из глаз Владимира брызнули непрошенные слёзы. – Пожалуйста, мама, выйди, оставь меня одного.

– Перестань, сынок, не рви моё сердце... – попросила его Валентина. – У тебя всё будет хорошо. Ты обязательно встанешь на ноги, и у тебя всё будет как раньше. Ты же мой любимый мальчик... Такой сильный, такой добрый. Мой маленький сынок, попавший в беду. Помнишь, когда ты был ребёнком, прибегал ко мне, если тебе было плохо. Я тебя целовала, и тебе становилось легче.

– Мама, я больше не ребёнок, – перебил её Владимир. – Понимаешь? Всё кончено! Я не хочу больше жить. Не хочу! Ты же видишь, как мне плохо, зачем ты ещё больше мучаешь меня? Уйди, я прошу тебя, уйди-и-и!!!

Владимир уже кричал во весь голос, и испуганная Валентина вскочила и бросилась к двери, боясь, что сюда сейчас сбежится вся больница. Но вдруг он умолк, а потом позвал

тихо:

– Мам, подожди...

Она остановилась и повернулась к нему, испуганная, растерянная, и замерла, не зная, что ещё ожидать от него.

– Мам, если ты меня любишь, и папа тоже, найдите мою Майю. Я обидел её, унизил, растоптал. За это и наказан вот этим...

Он показал рукой вдоль тела и безвольно уронил её, окончательно обессилив.

– Найдите её, мама. Я готов навсегда остаться инвалидом, готов умереть в любую минуту. Но мне надо знать, что с ней всё хорошо и она простила меня. Для меня это очень важно. Понимаешь?

– Хорошо, сынок, – кивнула Валентина. – Ты отдыхай, я вечером приду к тебе вместе с папой.

– Найди её, мама, – прошептал ей вслед Владимир и утомлённо закрыл глаза. – Я очень тебя прошу, найди...

– Ну что, как он? – спросил Андрей, встречая жену на больничной стоянке. – Извини, не стал заходить. Не хочу, чтобы Вовка видел меня в таком состоянии. Решения по кредитам будут известны только вечером, ближе к концу рабочего дня. И я просто издёргался, выпрашивая деньги на его лечение. Нервы уже совсем ни к чёрту.

– У меня тоже, – сказала Валентина. – Андрюша, он просит, чтобы мы нашли эту Майю. Помнишь, ту самую девуш-

ку, на которой когда-то собирался жениться.

– Но где же мы будем её искать? – растерянно посмотрел на жену Андрей. – Да и не до того мне сейчас. Без того проблем хватает. Поиск человека – это всегда такие затраты...

– Мы никого не будем искать, – покачала головой Валентина.

– Подожди, но Вовка же спросит нас, – не понял жену Андрей.

– Он спросит, мы скажем, что ищем, – пожала она плечами. – Он ведь никак не сможет проверить наши слова. Пройдёт полгода, год, два... И время всё расставит по своим местам.

Смахнув остатки еды в контейнер для отходов, Майя бросила взгляд на следующий поднос и замерла: на большой тарелке, в обрамлении овощей и соуса лежал кусок красной рыбы, разломанный пополам. Какой-то привередливый клиент ресторана едва притронулся к приготовленному блюду, и оно осталось почти целым. Сочная морковно-красная мякоть блестела капельками сока, и аромат от неё исходил такой, что желудок Майи свело от боли. Если бы было можно, она схватила бы эту рыбу прямо руками и ела, ела, ела её... По животу девушки прошли спазмы. Ещё никогда с самого начала своей беременности она не хотела есть так сильно. Конечно, перед выходом на работу она поужинала, но макароны, обжаренные на сковороде с яйцами, совсем не дали ей

того насыщения, в котором она нуждалась.

Недавно тётя Вера принесла ей пилюли – витамины, которые ей отдала какая-то знакомая.

– У них тут срок годности закончится через два месяца, – сказала она тогда. – Но это ничего, к тому времени ты уже справишься с ними. А ребёнку всё-таки польза. Тамарка сказала, что они страшно дорогие.

– А почему же она сама их не пила? – удивилась Майя.

– Пила, – махнула рукой Вера и засмеялась. – Только они ей, что слону дробина. Да и забывала она их принимать постоянно, а тут же регулярность должна быть. В общем, поэтому я их у неё забрала, а ты пей. Тебе полезно.

Майя две недели принимала пилюли и радовалась, что хоть что-то полезное попадёт в развивающийся организм её малышки, ведь овощи и фрукты зимой были такие дорогие, что она почти совсем ничего не могла себе позволить и постоянно чувствовала не проходящий голод.

Майя даже в заводскую столовую приходила позже всех и садилась у дальнего столика, чтобы никто не видел, с какой жадностью она съедает всё, что берёт. И вот теперь, глядя на кусок сочащейся соком рыбы, глотала наполнившую рот слюну и никак не могла заставить себя взять тарелку, потому что боялась не сдержаться и накинуться на еду.

– Нет, так нельзя. Ты не можешь унизиться настолько, – из последних сил приказала она себе, и быстро смахнула рыбу в бак для отходов. А потом почувствовала такой спазм,

подступивший к её горлу, что не смогла сдержать приступ тошноты и упала на колени.

Кто-то заглянул в моечную, но Майя даже не обернулась. Только почувствовав облегчение, она наконец-то встала, пошла к раковине для мытья рук и плеснула прохладной водой себе в лицо.

– Волкова! – послышался грозный окрик администратора.
– Уберёшь тут всё за собой и придёшь ко мне за расчётом. Ты уволена...

Майя убрала мокрой ладонью прилипшую к лицу прядь волос и ничего не ответила на распоряжение начальника. У неё не было сил на то, чтобы оправдываться или умолять оставить её. У неё вообще ни на что не осталось сил...

– Вот же сволочи! – возмущалась потом тётя Вера, когда Майя рассказала ей о том, что произошло. – Ты же не специально! Могли бы и понять, войти в положение. Девка беременная, а они так издеваются. Ни стыда ни совести у людей нет. Провалиться бы им на месте. Ну а к нашим ты ходила? Что там с общежитием?

– Сказали мест нет, – вздохнула несчастная девушка.

– Как нет? – удивилась Вера. – Ковалёвы же освободили комнату. У них бабка померла, квартиру им оставила. Зачем же им теперь комната в общежитии?

– Я не знаю, – покачала головой Майя.

– Ой, девка, – склонив голову, посмотрела на неё Вера.

– Что-то ты мне совсем не нравишься. Ладно, сама схожу к коменданту и поговорю с ним. Пусть мне объяснит, что к чему.

А через пару дней снова пришла к ней и, сев на стул, скорбно сложила руки на коленях:

– В общем, надо тебе как-то продержаться. С общежитием может помочь только директор. А он уехал в отпуск, и вернётся только после новогодних праздников. Я ходила к его заму, Терентьеву, но он вообще ни рыба ни мясо. Как говорила моя бабушка ни в городе Богдан, ни в селе Селиван. Потерпи немного, а? Как наш вернётся, я сразу к нему пойду. И жильё для тебя вытребую. Вот увидишь.

Но прежде чем тётя Вера смогла чего-то добиться, в жизни Майи произошло другое событие, которое снова выбило её из колеи.

В двадцатых числах декабря в каморку девушки постучали и она, открыв, увидела Николая Клименцова, который снова явился к ней, только теперь без конфет и цветов.

– Собирайся, Майя, Я пришёл за тобой, – сказал он, глядя прямо в глаза опешившей девушки.

– С чего бы это? – удивилась она.

– С того, что я хочу, чтобы ты жила со мной, – продолжал настаивать на своём парень.

– А ещё что ты хочешь? – нахмурилась она.

– Да ты не подумай. Я приставать не буду, ты же беремен-

ная. А я же не совсем, – он присвистнул и покрутил пальцем у виска. – Просто мне жалко тебя. Поэтому я выделю тебе комнату, а сам буду спать в гостиной. Квартира мне досталась от бабушки, родители живут в деревне. К нам лезть никто не будет, можешь не бояться.

– Коля, ты, наверное, очень хороший, – коснулась его плеча Майя. – Я даже уверена в этом. Вот только я мужчинам не верю. И не доверяю. Совсем. С какой стати ты просто так будешь заботиться обо мне?

– Ну, не просто так, – покачал головой Николай. – Получаю я нормально. Так что продукты мои – но на нас двоих готовишь ты. Ты живёшь на всём готовеньком, а у меня чистая квартира и одежда выстиранная и поглаженная. Ну а там увидим, как дальше сложится. Что замерла-то? Можно подумать, тебе есть, что терять...

– Ну что ты, Коля. Даже в самой сложной ситуации у человека всегда есть, что терять, – проговорила Майя.

– Ой, да перестань философствовать! – махнул он рукой. – Проще смотри на вещи. У меня ванная и душ. Искупаешься по-нормальному. А за обед можешь не переживать. Я уже гречку с мясом приготовил и салат. Мать недавно икру баклажанную передавала, варенье и лечо. Так что голодной не останешься. Да что ты ещё думаешь? Пошли и всё тут! Потом ещё спасибо скажешь!

– Ладно, Коля, пойдём, – кивнула Майя. – Может быть ты и прав.

Глава 8

Несколько дней Майя и вправду чувствовала себя хорошо. Николай относился к ней с уважением, много шутил и был очень рад, когда она сама приготовила обед.

– Слушай, твой борщ просто объедение. И окорочка пожарила так вкусно. Где ты так готовить научилась?

– У нас в интернате тётя Рая поварихой работает. Она научила. Мы с Лидой к ней постоянно ходили, помогали...

Воспоминание о подруге больно царапнуло душу девушки, и она умолкла, но Николай не заметил этого.

– Тогда понятно, – сказал он. – Сама-то что не ешь? Вкусно же!

– Я перекусила, пока готовила, – улыбнулась Майя. – Пойду пока бельё поглажу.

– Хорошо, – не отвлекаясь от еды, кивнул Николай.

Майе оставались один пододеяльник и две рубашки, когда в дверь позвонили.

– Коля, ты откроешь? – позвала Майя, он прошёл в прихожую, и в ту же минуту она услышала громкий женский шёпот.

– А чьё это пальто? И сапоги... Сынок, ты что, не один?!

– Сынок... – обомлела Майя. – Неужели это родители Николая приехали из деревни и застали её здесь? Господи, что же она будет им говорить? Как всё объяснит? Вот ведь, по-

зорище... зачем она только согласилась на эту авантюру.

В волнении она прижала к себе рубашку Николая и как раз в это время в комнату не вошла, а ворвалась полная рыжеволосая женщина с крупными чертами лица и пухлыми губами, накрашенными помадой яркого, морковного цвета.

– Батюшки, прелесть-то какая! Да ты ж моя хозяйюшка! Федя, Фёдор! Да где ты там есть?! Иди, посмотри на нашу невестушку. Вот кого от нас скрывал Коленька! Ах ты, оборот-обормот! И ведь красивую какую нашёл... Ну, иди сюда, доченька, давай знакомиться! Меня Мария Филипповна зовут...

Она чуть ли не силой вытащила Майю из угла, куда та забилась от испуга, и только теперь заметила её округлившийся живот.

– Батюшки! – всплеснула руками мать Николая. – Детонька! Это на каком же ты месяце?! Федя, они уже ребёночка ждут...

Фёдор Васильевич, высокий худощавый мужчина, вполне приятный, только не улыбчивый, в ответ как-то странно крякнул и проговорил густым басом:

– Внука мне давайте. Внука хочу...

– Извините, но вы неправильно поняли. Я вам сейчас всё объясню, – начала Майя, но Николай не дал ей договорить, подошёл и обнял её:

– Нечего тут объяснять, милая. Мама, папа, позвольте представить вам мою невесту, почти жену – Майю. Мне

очень повезло с ней, она умница и красавица. И мы с ней любим друг друга.

– Коля! – округлила глаза Майя, поднимая на него смущённое и одновременно расстроенное лицо.

А он наклонился к ней, делая вид, что собирается поцеловать в щеку, и шепнул тихонько на ухо:

– Я потом сам с ними поговорю. Всё будет хорошо, вот увидишь.

Майя выдохнула. Ей совсем не нравилась эта ситуация, но спорить сейчас с Николаем и его родителями она не стала, надеясь, что он выполнит своё обещание и всё им объяснит.

Весь вечер Мария Филипповна хваливала Майю: и хозяйка она замечательная, и везде у неё чисто, и еда приготовлена очень вкусно, и сама она такая красавица, какую редко найдёшь на белом свете. Участливо спрашивала, как она переносит беременность, рассказывала о том, как сама носила Николая, а потом его сестру Натальюшку. И вообще была такая шумная и весёлая, что Майя даже немного оттаяла.

– Какие хорошие у тебя родители, – сказала она Николаю, когда они проводили его отца и мать домой. – Жалко, что не остались на ночь. Ехать ведь им далеко.

– Да ну! Всего-то сорок пять километров, – махнул рукой он в ответ. – Да ты не переживай. Они всегда так приезжают. Наездом. Побыли – пошумели – покомандовали – уехали. Потом привыкнешь, и даже радоваться будешь, что они

никогда не ночуют у меня. И вообще, у них хозяйство, как же они останутся? Мать вместе с петухами встаёт, коров начинает доить, управляться. Ты в деревне не жила, не знаешь, что это такое. Зато всегда продукты свои, всё свежее, вкусное.

– Ой, правда! – воскликнула Майя. – Сколько всего они тебе привезли. И молоко, и сметану, и творог, и овощи, и соленья всякие...

– Вот и ешь, – улыбнулся Николай. – Тебе полезно.

– Коля, – Майя вдруг покраснела. – Мне кажется, мы зря не сказали им правду. Так нельзя. Они ведь решили, что я жду ребёнка от тебя. Обрадовались, что у них будет родная внучка. А ведь это не так.

– Она будет им родной, вот увидишь, – пообещал Николай. – Дай только время. Пусть всё идёт как идёт. Ты обязательно привыкнешь и к ним, и ко мне. А потом и полюбишь. Не всё сразу. Но у нас всё будет хорошо. Я тебе обещаю.

За те дни, что провела у Николая, Майя посветлела лицом, чуть-чуть округлилась и снова научилась улыбаться.

– Вот ведь, что сытая жизнь делает с человеком, – порадовалась за неё Вера, застав на одной из аллей предприятия с метлой и лопатой. – Ишь, как глаза у тебя светятся. Ну что, говори, слюбились с Николаем?

– Да вы что, тётя Вера! – Майя сняла рукавицы и попыталась согреть дыханием покрасневшие ладони. – Коля хоро-

ший, но между нами ничего такого нет. Он сказал, что подождёт столько, сколько будет нужно. А вообще, я ему очень благодарна за такую помощь. Знаете, он сегодня обещал сделать мне какой-то сюрприз. И я почему-то очень волнуюсь. Вот, хочю поскорее закончить работу и домой.

– Домой, – улыбнулась Вера. – Как хорошо ты это сказала. Дай бог тебе, девочка... Всего-всего! И пусть у тебя как можно скорее будет свой дом...

В порыве необъяснимого счастья, Майя обняла добрую женщину, и та быстро смахнула набежавшие на глаза слёзы:

– Вот мы дуры, бабы! Плохо – плачем, радость – тоже плачем. Ох, Майя, Майя... Так уж я за тебя рада, так рада, что увижу твоего Клименцова и расцелую, наверное. Надо же, какой попался тебе мужик. Совсем как мой Миша... Слушай, а приходите к нам в гости. Праздники ведь начинаются. Сегодня что у нас, понедельник? Ну вот! А в четверг уже Новый год. Посидим, отметим, познакомимся поближе, песни попоём...

Майя кивнула:

– Спасибо, тётя Вера. Я поговорю с Колей. Наверное, придём...

Закончив свою работу, Майя как на крыльях полетела домой и сразу же занялась ужином, чтобы к приходу Николая всё было готово. А когда он вернулся, девушка, взвизгнув от радости, бросилась ему на шею:

– Ёлка, Коля! Ты принёс ёлку! Ой, какая красивая! Какая пушистая! И так пахнет! У нас в интернате тоже всегда ставили ёлочку и мне так нравилось наряжать её. А теперь у меня своя...

Майя запнулась, поняв, что ведет себя как ребёнок. Но для неё это и в самом деле было настоящим чудом. А Николай весело рассмеялся, обрадовавшись, что сумел угодить девушке:

– Понравился, значит, мой сюрприз?

Она прижала руки к груди:

– Очень-очень, Коля! Спасибо тебе!

– Ну, тогда принимай ещё вот, – протянул он ей цветной пакет. – Я себе ёлку никогда не ставил, и украшений для неё у меня тоже не было. Поэтому зашёл и купил самых разных игрушек, и гирлянду. Давай поужинаем и будем наряжать нашу зелёную красавицу.

Накормив Николая, Майя с детским восторгом смотрела, как он устанавливает пушистое деревце, хлопала в ладоши, перебирала блестящие шары, смеялась, видя в них своё отражение.

И когда кто-то позвонил в дверь, выбежала сама, чтобы встретить гостя, потому что Николай в это время стоял на табурете и крепил на макушку электрическую красную звезду, которая начинала светиться, когда Николай вставлял её вилку в розетку.

– Ой, Мария Филипповна! Фёдор Васильевич! – обрадо-

валась Майя. – Как хорошо, что вы приехали! Посмотрите, какое чудо принёс домой Коля!

– Коля не принёс чудо домой, а привёл! – поджала губы мать Николая, сразу давая понять, что шутить она не намерена. – Бессовестная!

– Ты что это, мам? – нахмурился парень, опускаясь на табурет. – Что кричишь-то?

– Да как же мне не кричать, сынок?! – всплеснула руками Мария. – Я звоню Надюше, чтобы похвастаться, вот мол, какую хорошую девушку себе нашёл наш Коленька. Как дура рассказываю ей что, наконец-то, скоро буду бабушкой. А она меня на смех подняла! Его невесте, говорит, дитя ветром надуло. Нашёл себе Коля гуляшку детдомовскую. Я так ахнула! Ещё детдомовских нам не хватало! И незаконнорождённых всяких! Что глаза на меня вылупила? Не знала, что тётя Николая у вас в отделе кадров работает, да? Вот и попалась! А Надежда – сестра мне родная! Она-то и рассказала про тебя, бесстыжую, всю правду. Только то, что ты к Коленьке переехала, Надя не знала. Ох и молодец ты, всё просчитала! А в этом ошиблась!

– Коля... – у Майи даже перехватило дыхание. – Коля, я же тебя просила...

– Что просила? Что?! – Мария принялась трепать девушку, схватив её за плечо. – Жениться на тебе просила? Грех свой прикрыть?! Думала, что если спишь с моим сыном, так и обмануть его сможешь. Пусть он, значит, как дурак, чужо-

го дитя воспитывает?! Бесстыжая! Бесстыжая! Бесстыжая!

Каждое слово разгневанной женщины будто хлестало Майю по щекам и она, вскрикнув, бросилась в свою комнату, где принялась наспех собирать вещи.

– Мама! – воскликнул Николай и попытался остановить девушку, но мать не позволила ему сделать это.

– Пусть уходит!!! – затопала она ногами на сына. – Не смей её удерживать! Ишь ты, хитрая какая! Ходила тут, притворялась, а сама подлость удумала! Фёдор, ты-то чего молчишь?!

– Нехорошо жизнь с вранья начинать, – пробасил отец Николая, глядя на мечущуюся по прихожей девушку, которая с трудом попадала руками в рукава пальто.

– Майя...

– Подожди, сынок! – мать преградила путь Николаю и раскинула в стороны руки. – Выбирай, или она или мы! Ты что, променяешь нас на детдомовскую девку? Пусть уходит и больше сюда не возвращается! Ой, что-то у меня сердце прихватывает. Где таблетки? Дайте валидола...

– Майя, подожди, – Николай попытался отодвинуть мать и остановить Майю, но она, резко вскинув на него красное от стыда лицо, сказала ему:

– Не надо, Коля. И... простите меня...

А потом выскользнула на улицу.

– И снова седая ночь, и только ей доверяю я, знает седая ночь, все мои тайны-ы-ы...– с надрывом и болью, которую

прекрасно понимала Майя, пел её любимый певец.

А она сидела у окна в своей каморке и смотрела, как кружится и опускается на землю пушистыми хлопьями новогодний снег. Два часа назад к ней приходила тётя Вера, принесла салаты и ещё какие-то блюда, потом долго звала её к себе, но девушка не согласилась. Мягко, но настойчиво она проводила её, объяснив, что очень хочет спать, но когда тётя Вера ушла, Майя, выключив свет и вставив в магнитофон любимую кассету, села у окна, даже не думая о сне.

Она не плакала, она только едва слышно повторяла слова песни, пропуская их через себя и смотрела, как где-то за предприятием празднующие люди украшают небо разноцветными фейерверками. У них было счастье. У неё – она сама и крошечная дочка, мягко ворочавшаяся под её сердцем.

– Это будет твой год, маленькая моя... – проговорила Майя и грустно улыбнулась: – Если бы ты знала, как я жду встречи с тобой...

– Опять у него эта «Седая ночь», – вышла к мужу из комнаты сына Валентина. – Андрей, может ты поговоришь с Володей? Он отказывается выходить к столу. Не захотел, чтобы к нам пришла Света. Приворожила его, что ли, эта детдомовская? Ну, сколько можно крутить одни и те же песни и думать об этой дрянной девчонке?

– Вроде как это любимая группа Майи, – пожал плечами

Андрей. – Не сердись, сейчас я позову его.

Он открыл дверь в комнату сына и увидел, что тот сидит в инвалидном кресле у окна в полной темноте, а из динамиков импортного магнитофона доносятся пропитанные болью слова:

– Но даже и ты помочь не можешь, и темнота твоя мне одному совсем... совсем ни к чему...

– Сынок, пойдём к столу, – позвал Владимира Андрей. – Скоро начнут бить куранты. Всё-таки Новый год и мы должны встретить его вместе.

– Встречайте сами, папа, я не хочу, – даже не повернулся к нему сын. – Извини...

В деревенском доме родителей Николая было шумно и весело. Гости вместе с хозяевами начали отмечать праздник ещё с вечера, провожая уходящий год. Но сидя в толпе друзей и родственников Николай чувствовал себя страшно одиноким и спасался только стопками крепкого спиртного, которое то и дело опрокидывал в себя. Незадолго до полуночи его, мертвецки пьяного, отнесли на кровать и оставили там, не позволив уснуть за столом.

– Никогда его таким не видела, – вздохнула Валентина, жалуясь на сына своей сестре. – Понятия не имею, что с ним произошло...

– Ничего, проспится, и всё будет хорошо, – отмахнулась от её жалоб Надежда. – С Новым годом, сестра, с новым сча-

ствием!!!

– С Новым годом! – улыбнулась ей Валентина и тоже подняла свой бокал.

Глава 9

Несколько праздничных дней Майя почти не поднималась с постели и только когда Вера, наконец-то навестившая её, потребовала, чтобы она сейчас же встала и пошла вместе с ней, девушка нехотя согласилась.

– С ума сошла! – по-матерински ругала её женщина. – Разве ж так можно?! И я, как назло, из города второго числа уехала, так только сегодня и вернулась. Надо же было родителей Михаила навестить. Они-то уже не молодые, сами кататься не могут. Зато обрадовались нам очень, упростили остаться. А так бы я сразу за тобой пришла, и слушать твои отговорки не стала. Ох, Майя, ты моя Майя. Взяла бы я тебя к себе, вот только тесно у нас совсем, да и тебе будет неудобно. То ты сама себе хозяйка, а то мы постоянно путаться под ногами будем. Ну да это ничего, с жильём твоим я разберусь. А пока просто погостишь у нас пару-тройку деньков. И не спорь, я даже слушать ничего не хочу. Смотри, как опять похудела! Себя не жалеешь, хоть дитя пожалей!

– Тётя Вера, я так соскучилась, – улынулась ей Майя.

– А ты мне, девка, зубы не заговаривай, – продолжала ворчать та, хоть и совсем беззлобно. – Соскучилась она! Взяла бы, да и пришла тогда.

– Так вас же дома не было, – рассмеялась Майя.

– Ото-ж, – хлопнула себя по лбу Вера. – Я и забыла со-

всем. Эх, знала бы я, что мы в деревне останемся, ключи бы тебе отдала от квартиры, и ты бы хоть пожила эти дни спокойно. Ну да ничего. Ещё впереди выходных много, мы с тобой всё наверстаем. Дочка у бабушки с дедушкой осталась, на её кровати спать будешь. И не спорь! Слушать ничего не хочу...

Майя и не спорила. За остаток праздничных дней, которые она провела у Веры, ей и в самом деле удалось хорошо отдохнуть. Она с удовольствием помогала ей готовить простенькие обеды и ужины, но каждый раз краснела от стыда, когда Михаил и Вера подкладывали ей самые вкусные кусочки.

– Ну что вы, не надо, – говорила она, но те только отмахивались от неё и заставляли есть, по их словам, «за двоих».

Она даже не догадывалась, что пока её не было дома, Николай несколько раз приходил к ней, намереваясь попросить прощения за то, что произошло между ними. А он, не застав её, не понимал, куда она могла уйти, и напивался от безысходности и отчаяния, с которыми никак не мог справиться.

Лишь когда все снова вышли на работу, он, наконец-то протрезвевший, смог увидеть Майю, привычно очищавшую дорожки от снега.

– Здравствуй, Майя. Нам бы с тобой поговорить, – смущённо сказал он, подойдя к ней ближе.

– Здравствуй, Коля, – спокойно ответила она. – Не о чем нам с тобой разговаривать. Ты уж извини...

– Я слышал, что тебе дают комнату в общежитии, – проговорил он. – Тётка рассказывала, что Вера целый скандал у начальства устроила. Кулаками по столу стучала. До Ельци-на дойти обещала.

– Да, – невольно улыбнулась Майя. – Тётя Вера такая. Она может. И спасибо ей за это большое.

– Давай хоть с переездом помогу, – уныло предложил Николай.

– Мне дядя Миша с тётей Верой помогут, – ответила Майя. – Да и нечего особо перевозить. Сумка одна да вещички детские. А в комнате сначала нужно ремонт сделать, и потом только про переезд говорить.

– Я сделаю! – оживился Николай.

– Не надо, Коля, – строго сказала Майя. – Ничего не надо. Я тебя очень об этом прошу.

Нахмурившись, Николай отошёл от неё. Но во время обеденного перерыва отыскал Веру и долго о чем-то с ней разговаривал.

– Пусть только Майя ничего не знает, – попросил он задумавшуюся женщину.

– Ладно, – кивнула та. – Я тебе своего Михаила на помощь пришлю. Вдвоём вы быстрее всё сделаете.

Несколько раз Майя порывалась пойти в общежитие, чтобы начать наводить порядок в комнате, которая принадлежала теперь ей, но Вера каждый раз отговаривала её. А когда

все аргументы закончились, просто заявила:

– Да что ж ты неугомонная такая! Говорю же тебе, пока никуда не ходи. Сюрприз мы тебе делаем! Или ты хочешь краской надышаться, чтобы ребёночку навредить?

– Нет, не хочу навредить, – покачала головой Майя.

– Ну, тогда и нечего тебе там пока делать, – сказала Вера.
– К понедельнику всё уже будет готово. Въедешь в свои хоромы как царица.

В самом деле, когда наконец-то Вера, подхватив сумки Майи, отправилась с ней в общежитие, девушка, открыв своим ключом комнату, только ахнула, а потом бросилась доброй женщине на шею:

– Тётя Вера, спасибо вам! Да как же тут хорошо! И светло! Вы кровать поставили! Ну зачем же? Это так дорого! Батюшки! И холодильник есть! Тётя Вера... Я же с вами никогда не расплачусь за это!

Вера в ответ блеснула глазами:

– Ты это, Майя, не сердись! Не нас тебе надо благодарить, а Николая. Он постарался. И холодильник, и мебель – его рук дело. Но он сам захотел, я ему ничего не говорила и ни о чём не просила. Так что это ты разбирайся с ним.

– Тётя Вера... – нахмурилась Майя. – Почему вы сразу мне не сказали? Я бы не согласилась.

– Вот поэтому и не сказала, – кивнула Вера. – Гордость, девка, надо иногда под пятку прятать. И думать тебе сейчас

нужно не о себе, а о дочери. Вот так-то. А с Николаем как-нибудь разберёшься. Поговори, по крайней мере, с мужиком. Может быть, что-нибудь путное из этого и выйдет...

Николай пришёл к Майе через несколько дней и она, впус- тив его, сначала напоила чаем, а потом сама завела разговор на тяжёлую для обоих тему.

– Коля, я тебе очень благодарна за то, что ты сделал. Но принять всё это просто как подарок не могу. Извини. Сразу у меня не получится вернуть тебе все деньги, но я обязательно расплачусь с тобой.

– Зачем же ты меня обижаешь, Майя? – спросил он. – Я же от чистого сердца помог. А не так, что жду от тебя чего-то.

– Коля, ты всё понимаешь, – снова заговорила девушка. – Зачем же мне объяснять тебе прописные истины? То, что ты сделал, это очень ценно, но я не хочу чувствовать себя обязанной даже тебе. Я так не могу. Это не хорошо. Мы ведь никто друг другу.

– А если мы перестанем быть никем? – спросил её Нико- лай. – Давай попробуем ещё раз. Обещаю, что больше такой ситуации не повторится. Я имею в виду моих родителей.

– Вот, хорошо, что ты сам заговорил об этом, – сказала Майя. – Они никогда не примут меня в вашу семью. А уж тем более мою дочь. И если ты продолжишь общаться со мной, они отвернутся и от тебя. Я не могу этого допустить. А пото- му лучше постепенно верну тебе все деньги, которые ты по-

тратил на меня. Но всё равно большое тебе спасибо, потому что если бы не ты, этого всего просто не было бы.

– Майя, – он подошёл и взял её за плечи. – Я люблю тебя. И хочу быть только с тобой.

Она в ответ покачала головой:

– Давай не будем об этом сейчас. Ты хороший, но я так не могу. Прошу тебя, дай мне время...

– Ладно, – кивнул он. – Я буду ждать. Буду ждать тебя сколько нужно.

Наступила весна. И в сердце Майи наконец-то зажглась хоть какая-то надежда на то, что скоро всё наладится. Она была уже в декретном отпуске, с удовольствием шила дочке пелёнки и распашонки на старенькой машинке тёти Веры, и никак не могла дождаться, когда же сможет взять на руки свою маленькую дочку.

Николая она почти не видела. Он иногда заходил к ней в гости, но долго не оставался, часто отказываясь даже от чашки чая. Зато всегда приносил Майе фрукты, ещё какие-то лакомства и, несмотря на все её протесты, молча оставлял их на столе.

И она постепенно начала оттаивать душой, всё чаще задумываясь о том, что у них могло бы что-нибудь получиться, как вдруг однажды снова встретила его мать.

– Ну, здравствуй, Майя, – сказала ей та, остановив её прямо на улице. – Не родила ещё, значит? Жалко даже. Мой Ко-

ленька спит и видит, как бы стать отцом чужому ребёнку.

— Мария Филипповна, ну зачем вы так? — подняла на неё взгляд Майя. — Ваш Коля очень хороший и он заслуживает быть счастливым.

— Но не с тобой же! — воскликнула та. — Что ж ты, бессовестная, жизнь ему ломаешь? Как же не стыдно чужое дитя на него навешивать? Он ведь о своём ребёнке мечтает. И девушка у него хорошая есть. По соседству с ним живёт. Лилией зовут. Уж она к нему и так и эдак, а он одно повторяет: «мне кроме Майи никто не нужен». Приворожила ты его, что ли? Так вот что я тебе скажу: на чужом несчастье счастье не построишь. Подумала бы ты об этом. Неужто здоровьем своего ребёнка рискнуть хочешь? Или не слышала, что за грехи своих родителей расплачиваются дети? Вдруг во время родов что-нибудь пойдёт не так? Что тогда делать будешь? А может быть, ты специально этого добиваешься? Ну а что, помрёт дитё, у тебя руки будут развязаны... Тогда не только моего Кольку-дурака, а ещё кого-нибудь охмурить сможешь!

Майя, остолбенело слушавшая стоявшую перед ней женщину, при последних словах испуганно отшатнулась от неё:

— Да вы что такое говорите? Как можно?!

— А вот так и можно. Коля всю жизнь копеечку копил. Себе во всем отказывал. Хорошая сумма у него на книжке лежала. Пока ты не появилась. Недавно я корову хотела себе ещё одну купить. Попросила у Коли денег, займы конечно.

А он говорит: «У меня их нету!» Я туда-сюда, расспрашивать его начала и выяснила: это ты у него выцедила всё до копеечки. Бесстыжие глаза твои!

– Это неправда, я не просила, – вспыхнула Майя.

– До таким как ты и просить не надо. Подвернулась ловко мужику и всё, он уже готов на задних лапках перед тобой прыгать. Только вот, что я тебе скажу, Майя. Моё слово крепкое! Не отстанешь от Николая, прокляну и тебя и весь род твой!

Мария ткнула пальцем в живот девушки:

– Не будет вам счастья никому! А тебе в первую очередь!!! Поняла? Я спрашиваю, ты меня поняла?!! Прокляну!!!

Повернувшись, Майя зашагала прочь, боясь даже оглянуться на страшную женщину.

И только забежав домой и прижавшись спиной к двери, выдохнула, а потом расплакалась горько-горько. Малышка, находившаяся у неё под сердцем, словно почувствовала состояние матери и принялась толкаться, будто протестуя против её слёз.

– Тише-тише, маленькая, – попросила её Майя, поглаживая ладонями прыгающий живот. – Успокойся, солнышко моё! Я никому не дам тебе в обиду. Слышишь? Никому...

На следующий день к ней пришёл Николай, но она, открыв ему дверь, даже не пустила его на порог:

– Уходи, пожалуйста, Коля, – попросила она. – Иди к своей невесте.

– Майя, ты что? – рассмеялся он. – Какая невеста? Это розыгрыш? Но первое апреля только завтра!

– Я пыталась, Коля, – сбивчиво заговорила девушка, сильно волнуясь и совсем не собираясь шутить. – Я хотела поверить, что все у нас с тобой будет хорошо. Но это не так. Тебя ждёт Лилия, девушка, которую ты заслуживаешь, и твоя мама. А ко мне больше не приходи. Сделай это, если я действительно для тебя хоть что-то значу. Я не хочу, чтобы проклинали меня и моего ребёнка. Пожалуйста, Коля. Я просто хочу жить. Жить даже не для себя, а для своей дочери. И никогда не прощу себе, если из-за меня с моей Викулей что-нибудь случится.

– Ты можешь нормально объяснить мне, что произошло? – нахмурился Николай, сжимая в кармане коробочку с кольцом.

– Спроси об этом у своей мамы и попроси, чтобы она не проклинала меня и мою дочку. Пожалуйста...

Майя закрыла дверь, и Николаю ничего не оставалось, кроме как уйти. Но едва затихли его шаги, как она застонала, схватившись рукой за дверной косяк. А потом кое-как доплелась до вахтёрши и попросила вызвать скорую помощь.

– Кажется, у меня схватки... – простонала она. – Больно очень. Пожалуйста, пусть они едут и побыстрее...

Глава 10

Маленькая девочка, красная, морщинистая и до ужаса крикливая, родилась только в восьмом часу вечера первого апреля, измучив не только мать, но и докторов. Однако, когда медсестра поднесла дочку к Майе и показала ей её, та, не проронившая ни одной слезинки от невыносимой боли, вдруг разрыдалась от охватившего её счастья.

– Какая же она красавица! Солнышко моё! Вика, Викуленька! Дайте, дайте мне её поддержать...

– Лежи, лежи спокойно, мамочка, – успокоила её медсестра. – Сейчас мы её осмотрим и дадим тебе... А тобой пока врач займётся. Такие роды тяжёлые, шутка ли!

Но теперь Майя была готова вытерпеть что угодно. Она родила дочку, маленькое чудо! Такую славную, такую красивую!

– Главное, что крепенькая, – кивала на восторги Майи медсестра. – И лёгкие будь здоров, оглушила уже всех! Певицей, наверное, будет! И с характером девка, сразу видно. Не мямля какая-нибудь.

Майя не выдержала и рассмеялась, а потом снова заплакала, когда дочурку положили на неё и сказали, что этот первый контакт матери с ребёнком очень важен.

– Да-да, – кивала Майя и снова заплакала, осторожно поглаживая спинку дочери.

Даже спустя несколько дней она всё никак не могла налюбоваться на свою девочку и когда тётя Вера и дядя Миша пришли навестить её, с восторгом показала им в окно свою малютку.

– Ой, хорошенькая какая! – захлопала в ладоши Вера. – И вот ведь какая! Родилась первого апреля! С такой шутницей точно не соскучишься!

– Поздравляем, Майя! – размахивал букетом Михаил. – Ты молодец! Счастья вам, девчонки! Когда вас выписывают?

– В пятницу, – ответила ему Майя.

– Мы придём за тобой! – пообещал он. – Без нас никуда не уходи!

Девушка улыбнулась. Как хорошо, что у неё были такие друзья!

– Радуются дедушка с бабушкой, – кинула санитарка, вошедшая в палату, чтобы вымыть там полы. – А муж-то почему не пришёл?

– Нет у меня мужа, Клавдия Васильевна, – сказала Майя и вдруг ей так захотелось, чтобы тётя Вера и дядя Миша в самом деле были её родителями, что она невольно соврала санитарке: – А родители да, у меня хорошие. И я очень сильно их люблю!

– Как же мужа нету? – удивлённо качнула седой головой пожилая женщина. – А это тогда кто? Тебя, кажись, зовёт. Майя-то ты у нас одна, других нет.

– Майя-а-а! Майя-а-а!!! – в самом деле, кричал под окна-

ми роддома неизвестно откуда взявшийся Николай, пьяный до такой степени, что едва мог стоять на ногах.

Михаил с трудом удерживал его, а Вера что-то высказывала парню, размахивая руками и показывая на окно, возле которого стояла расстроенная этой сценой Майя. Она никак не ожидала, что Николай придёт сюда в таком состоянии, и будет поднимать шум, позоря её перед всем роддомом.

– Ох и плохо, когда мужик пьющий, – снова заговорила Клавдия. – Лучше уж никакого, чем такой.

– Да, Клавдия Васильевна, – согласилась Майя. – Лучше уж никакого...

Наконец, Вере и Михаилу удалось увести Николая, а дежурная медсестра принесла Майе цветы и пакет с продуктами, которые они ей передали – овощной супчик на курином бульоне в баночке, пару запечённых яблок, печенье и четыре баночки йогурта. А ещё официальное письмо, в котором Майе сообщалось, что в областном центре ей предоставляется личная комната в коммунальной квартире сроком на пять лет...

– Уезжаешь, значит, – вздохнула Вера, когда вскоре после возвращения Майи из роддома, застала её за сбором вещей.

– Да, тётя Вера, поеду. Попробую начать жизнь заново, – сказала Майя, присаживаясь рядом с ней на кровать и обнимая её за плечи. – Спасибо вам за всё. Не знаю, что было бы со мной, если бы не вы.

– Ладно тебе, – смахнула слёзы та. – Ты ведь мне как дочка стала. Даже не знаю, как теперь без тебя буду.

– А вы в гости к нам приезжайте, – положила ей голову на плечо Майя. – Мы с дочкой всегда будем вам очень рады! Ближе вас у нас с Викулей всё равно никого нет и, наверное, уже не будет.

– А что Клименцов, не появлялся больше? – спросила Вера.

– Нет, – пожала плечами Майя. – Но это и хорошо. Он всё понял, наверное. Тётя Вера, ты ему мой новый адрес не давай, если вдруг спросит, ладно?

– Ладно, – пообещала Вера. – Не дам. А то мало ли чего ему в голову придёт...

– Вот-вот, – согласилась Майя и снова попросила: – Тётя Вера, а можешь с Викулей побыть, пока я за документами сбегая. Мне в отдел кадров нужно и в бухгалтерию – расчётные получить.

– Да беги, конечно, – Вера поднялась и подошла к кровати: – Пока спит девка. Ох, ну до чего же она на тебя похожа. Вырастет, на одно лицо будете...

– Нет, – возразила Майя, стоя уже у двери. – Викуля будет красивее меня и в сто раз счастливее. Вот увидишь!

Надежда, тётка Николая Клименцова, увидев Майю, удивлённо изогнула крашенные брови:

– Ишь ты, родила уже, что ли? И кто там у тебя?

– Там у меня дочка, – ответила Майя. – Я за документами пришла, Надежда Филипповна.

– А что так? – Надежда сложила руки на полной груди. – Уезжаешь, что ли?

– Уезжаю, – подтвердила Майя.

– Да ты что?! И когда?

– Завтра, – Майя всё ещё не понимала, к чему клонит эта насмешливо кривящая губы женщина.

– Ой, беда какая! – покачала головой та. – А как же ты с Коленькой-то не простишься? Парень-то всего на две недели уехал перед свадьбой подкалымить, а ты уже хвостом вильнула и в бега.

– Перед какой свадьбой? – не поняла Майя.

– Ну как же?! – удивилась Надежда. – Мы в субботу к Лиле ходили в гости свататься. Я лично свахой была. Ох и весёлое сватовство получилось. А на следующий день, едва Коля проспался, мы его на поезд посадили. Он-то сейчас в отпуске, а тут шабашка подвернулась по его профилю. Коля ведь сварщик от Бога.

– Отдайте мне, пожалуйста, мои документы, – прервала разглагольствования Надежды Майя. – У меня дочка дома и собираться надо. А вы задерживаете.

– Ути-пути, какие мы грозные! – усмехнулась накрашенными губами Надежда. – На, бери свои документы. Триста лет они мне не нужны. Слышь! Подожди, а Коле-то что передать?

Майя обожгла её взглядом, но ничего не ответила, чтобы не продолжать этот и без того бессмысленный разговор. Но едва она вышла из кабинета, как Надежда схватила трубку телефона и набрала домашний номер сестры:

– Мария! Привет! Слушай, у меня тут для тебя такая новость – ты упадёшь! Майка сваливает из города! А я-то откуда знаю, куда?! Главное, что её здесь больше не будет...

– Слушай, а как ты холодильник и кроватку повезёшь? – спросила Майю Вера, когда та вернулась домой, решив все вопросы с документами.

– Никак, оставляю тут, – пожала плечами Майя. – Ты потом, как вернётся Николай, скажи ему, чтоб забрал их домой.

– А может, всё-таки с собой возьмёшь? Вещи-то хорошие, – с недоумением посмотрела на неё Вера.

Ответить Майя не успела, потому что в дверь резко и громко постучали, а потом, сразу после стука в комнату ввалилась Мария Филипповна.

– Я за холодильником и кроваткой, – заявила она Майе, даже не поздоровавшись, и не заботясь о том, что своим криком может разбудить спящую малышку. – Что тут ещё тебе Коля покупал?

– Обои, – подсказала Вера.

Но Мария даже не удостоила её взглядом.

– Не вздумай забирать с собой вещи нашего сына. И уезжай ты скорее, не доводи меня до греха. Христом Богом тебя

прошу... И эту отсюда убери...

Майя переглянулась с тётёй Верой, взяла из кровати дочку на руки и крепко прижала её к себе. Ещё через час Михаил и Вера посадили её на поезд, а Мария вызвала мужа, и они вдвоём освободили комнату Майи от мебели, купленной их сыном.

– Ох, что-то душа у меня не на месте, – вздохнула Вера, глядя вслед уходившему поезду. – предчувствие какое-то...

– Да брось ты, – посоветовал ей Михаил. – Расставаться всегда тяжело, вот тебе и предчувствие. А надо просто верить, что всё будет хорошо. Понимаешь?

– Умом понимаю, – положила голову на плечо мужа Вера. – А только сердце всё равно болит от чего-то...

Николай вернулся домой через неделю и, едва только вошёл в свою квартиру, как сразу же увидел холодильник, кровать и ещё кое-какие вещи, купленные им для Майи и её новорождённой дочери.

– Не понял, – удивился он и вдруг обрадованно заметался по квартире: – Майя! Майя, ты тут?!

Но девушки нигде не было, и тогда он позвонил матери, которая всегда хранила у себя дубликат его ключей.

– Мама! – закричал он в трубку. – А где Майя?! Она у вас? Мамочка, я так рад! Спасибо тебе! Я сейчас за ней приеду, скажи ей, что я вернулся!

– Подожди-подожди, Коля, – торопливо заговорила Ма-

рия. — У нас нет твоей Майи, и вообще она уехала куда-то.

— Как уехала?! — не понял Николай. — А откуда тогда у меня здесь её вещи?

— Я их перевезла, — сообщила довольная мать. — А что ты думал, что я оставлю их этой вертихвостке? Как бы не так... Коля, Коля, ты меня слышишь? Вам же с Лилечкой всё это пригодится. Ты что, забыл, что просватал её?

— Я был пьян, а вы потащили меня туда и выставили там дураком, — процедил в трубку Николай. — мама! Я никогда тебе этого не прощу, слышишь? Ни-ког-да...

Он бросил трубку и Мария тут же кинулась разыскивать мужа:

— Фёдор!!! Да брось ты этих кролей! Собирайся скорее, надо ехать к Коле! Ох, как бы он чего не натворил...

Они собрались очень быстро и летели с той скоростью, на которую только был способен их Жигулёнок. Но когда поднялись в квартиру к сыну, ахнули, увидев, какой разгром учинил их сын: детская кровать была разрублена в щепки, холодильник весь иссечён топором, который до сих пор торчал из его приоткрытой дверцы, в хлам превратились и остальные вещи, старательно собранные Марией в комнате Майи.

А сам Николай сидел на полу, прислонившись спиной к стене и сжимая в руке горлышко бутылки с недопитой водкой, смотрел потухшими глазами на отца и мать...

Вика, весело подпрыгивая, шагала рядом с матерью, и портфель на её спине как-то странно позвякивал в такт каждому её шагу.

– Ну вот, мам, а Витька сказал, что я похожа на цаплю, потому что у меня ноги как у цапли тонкие и длинные.

– И за это ты его ударила? – спросила дочку Майя, направляясь в школу, куда её с сентября по март уже вызывали пять раз, чтобы в очередной раз пожаловаться на девочку.

Но дело было не в успеваемости – Вика в шесть лет уже бегло читала и сама выбирала книги в библиотеке, где в то время работала Майя. А ещё она просто обожала играть с мальчишками в футбол, и Майе уже два раза приходилось оплачивать разбитые стекла в квартирах соседей.

– И вовсе не из-за этого я его побила, – заявила девочка, даже остановившись, чтобы мать успела разглядеть возмущение на её хорошеньком личике. – Ноги у меня и вправду как у цапли – дурацкие, тонкие и всё такое. Зачем же его бить за правду? За правду людей бить нельзя.

– Тогда за что ты его ударила? – вздохнула Майя.

– За то, что он плюнул на Катю, – округлила глаза Вика, удивляясь, как мама сама не могла догадаться об этом.

– Викуля, у меня уже голова идёт кругом от твоих историй, – Майя присела перед дочерью и убрала длинную чёлку с её лба. – Малыш, ты у меня такая хорошая девочка, я же это знаю. Но почему тогда все вокруг жалуются на тебя?

– На меня жалуются не все вокруг, мамочка, – обняла её

за шею Вика, снова звякнув чем-то в портфеле. – А только те, кто поступает плохо. Ты же сама меня учила, что люди должны быть добрыми и справедливыми. А баба Вера говорит, что добро должно быть с кулаками.

– Добро просто должно быть, – Майя поцеловала дочку в щеку, а потом крепко прижала к себе: – Славная моя, хорошая! Я так тебя люблю, маленькая моя. Но мне так не нравится, когда Марина Витальевна сердится на тебя из-за твоего характера. Если ты так ведёшь себя в первом классе, что же тогда будет в десятом?

– Я ещё не знаю, – пожала плечами девочка. – Мамочка, не хмурься, я же тебя так люблю! Ну хочешь, я потерплю немного и тебе никто не будет на меня жаловаться?

– Очень хочу, – улыбнулась Майя. – Подожди, а что это всё время звенит у тебя в портфеле?

– А это собачий поводок с железной вертушкой, – махнула рукой Вика. – Я нашла его на дороге. Он очень красивый и тебе обязательно понравится.

– Но у нас же нет собаки! – удивилась Майя, никогда не знавшая, что можно ожидать от дочери.

– Ничего, – рассмеялась девочка, – был бы поводок, а собака найдётся!

– Вика... – предостерегающе заговорила Майя, – только не говори мне, что ты хочешь привести собаку.

– Я пока только думала об этом, но спасибо, мамочка, что ты согласна! – снова обвила шею матери девочка, ластясь к

ней как котёнок.

Ни она, ни Майя, стоявшие на тротуаре, не обратили внимание на вильнувшую на дороге дорогую иномарку. А она уже неслась на них на всей скорости, и испуганный водитель напрасно пытался выжать педаль тормоза...

Глава 11

Маленькая девочка, красная, морщинистая и до ужаса крикливая, родилась только в восьмом часу вечера первого апреля, измучив не только мать, но и докторов. Однако, когда медсестра поднесла дочку к Майе и показала ей её, та, не проронившая ни одной слезинки от невыносимой боли, вдруг разрыдалась от охватившего её счастья.

– Какая же она красавица! Солнышко моё! Вика, Викуленька! Дайте, дайте мне её поддержать...

– Лежи, лежи спокойно, мамочка, – успокоила её медсестра. – Сейчас мы её осмотрим и дадим тебе... А тобой пока врач займётся. Такие роды тяжёлые, шутка ли!

Но теперь Майя была готова вытерпеть что угодно. Она родила дочку, маленькое чудо! Такую славную, такую красивую!

– Главное, что крепенькая, – кивала на восторги Майи медсестра. – И лёгкие будь здоров, оглушила уже всех! Певицей, наверное, будет! И с характером девка, сразу видно. Не мямля какая-нибудь.

Майя не выдержала и рассмеялась, а потом снова заплакала, когда дочурку положили на неё и сказали, что этот первый контакт матери с ребёнком очень важен.

– Да-да, – кивала Майя и снова заплакала, осторожно поглаживая спинку дочери.

Даже спустя несколько дней она всё никак не могла налюбоваться на свою девочку и когда тётя Вера и дядя Миша пришли навестить её, с восторгом показала им в окно свою малютку.

– Ой, хорошенькая какая! – захлопала в ладоши Вера. – И вот ведь какая! Родилась первого апреля! С такой шутницей точно не соскучишься!

– Поздравляем, Майя! – размахивал букетом Михаил. – Ты молодец! Счастья вам, девчонки! Когда вас выписывают?

– В пятницу, – ответила ему Майя.

– Мы придём за тобой! – пообещал он. – Без нас никуда не уходи!

Девушка улыбнулась. Как хорошо, что у неё были такие друзья!

– Радуются дедушка с бабушкой, – кинула санитарка, вошедшая в палату, чтобы вымыть там полы. – А муж-то почему не пришёл?

– Нет у меня мужа, Клавдия Васильевна, – сказала Майя и вдруг ей так захотелось, чтобы тётя Вера и дядя Миша в самом деле были её родителями, что она невольно соврала санитарке: – А родители да, у меня хорошие. И я очень сильно их люблю!

– Как же мужа нету? – удивлённо качнула седой головой пожилая женщина. – А это тогда кто? Тебя, кажись, зовёт. Майя-то ты у нас одна, других нет.

– Майя-а-а! Майя-а-а!!! – в самом деле, кричал под окна-

ми роддома неизвестно откуда взявшийся Николай, пьяный до такой степени, что едва мог стоять на ногах.

Михаил с трудом удерживал его, а Вера что-то высказывала парню, размахивая руками и показывая на окно, возле которого стояла расстроенная этой сценой Майя. Она никак не ожидала, что Николай придёт сюда в таком состоянии, и будет поднимать шум, позоря её перед всем роддомом.

– Ох и плохо, когда мужик пьющий, – снова заговорила Клавдия. – Лучше уж никакого, чем такой.

– Да, Клавдия Васильевна, – согласилась Майя. – Лучше уж никакого...

Наконец, Вере и Михаилу удалось увести Николая, а дежурная медсестра принесла Майе цветы и пакет с продуктами, которые они ей передали – овощной супчик на курином бульоне в баночке, пару запечённых яблок, печенье и четыре баночки йогурта. А ещё официальное письмо, в котором Майе сообщалось, что в областном центре ей предоставляется личная комната в коммунальной квартире сроком на пять лет...

– Уезжаешь, значит, – вздохнула Вера, когда вскоре после возвращения Майи из роддома, застала её за сбором вещей.

– Да, тётя Вера, поеду. Попробую начать жизнь заново, – сказала Майя, присаживаясь рядом с ней на кровать и обнимая её за плечи. – Спасибо вам за всё. Не знаю, что было бы со мной, если бы не вы.

– Ладно тебе, – смахнула слёзы та. – Ты ведь мне как дочка стала. Даже не знаю, как теперь без тебя буду.

– А вы в гости к нам приезжайте, – положила ей голову на плечо Майя. – Мы с дочкой всегда будем вам очень рады! Ближе вас у нас с Викулей всё равно никого нет и, наверное, уже не будет.

– А что Клименцов, не появлялся больше? – спросила Вера.

– Нет, – пожала плечами Майя. – Но это и хорошо. Он всё понял, наверное. Тётя Вера, ты ему мой новый адрес не давай, если вдруг спросит, ладно?

– Ладно, – пообещала Вера. – Не дам. А то мало ли чего ему в голову придёт...

– Вот-вот, – согласилась Майя и снова попросила: – Тётя Вера, а можешь с Викулей побыть, пока я за документами сбегая. Мне в отдел кадров нужно и в бухгалтерию – расчётные получить.

– Да беги, конечно, – Вера поднялась и подошла к кровати: – Пока спит девка. Ох, ну до чего же она на тебя похожа. Вырастет, на одно лицо будете...

– Нет, – возразила Майя, стоя уже у двери. – Викуля будет красивее меня и в сто раз счастливее. Вот увидишь!

Надежда, тётка Николая Клименцова, увидев Майю, удивлённо изогнула крашенные брови:

– Ишь ты, родила уже, что ли? И кто там у тебя?

– Там у меня дочка, – ответила Майя. – Я за документами пришла, Надежда Филипповна.

– А что так? – Надежда сложила руки на полной груди. – Уезжаешь, что ли?

– Уезжаю, – подтвердила Майя.

– Да ты что?! И когда?

– Завтра, – Майя всё ещё не понимала, к чему клонит эта насмешливо кривящая губы женщина.

– Ой, беда какая! – покачала головой та. – А как же ты с Коленькой-то не простишься? Парень-то всего на две недели уехал перед свадьбой подкалымить, а ты уже хвостом вильнула и в бега.

– Перед какой свадьбой? – не поняла Майя.

– Ну как же?! – удивилась Надежда. – Мы в субботу к Лиле ходили в гости свататься. Я лично свахой была. Ох и весёлое сватовство получилось. А на следующий день, едва Коля проспался, мы его на поезд посадили. Он-то сейчас в отпуске, а тут шабашка подвернулась по его профилю. Коля ведь сварщик от Бога.

– Отдайте мне, пожалуйста, мои документы, – прервала разглагольствования Надежды Майя. – У меня дочка дома и собираться надо. А вы задерживаете.

– Ути-пути, какие мы грозные! – усмехнулась накрашенными губами Надежда. – На, бери свои документы. Триста лет они мне не нужны. Слышь! Подожди, а Коле-то что передать?

Майя обожгла её взглядом, но ничего не ответила, чтобы не продолжать этот и без того бессмысленный разговор. Но едва она вышла из кабинета, как Надежда схватила трубку телефона и набрала домашний номер сестры:

– Мария! Привет! Слушай, у меня тут для тебя такая новость – ты упадёшь! Майка сваливает из города! А я-то откуда знаю, куда?! Главное, что её здесь больше не будет...

– Слушай, а как ты холодильник и кроватку повезёшь? – спросила Майю Вера, когда та вернулась домой, решив все вопросы с документами.

– Никак, оставляю тут, – пожала плечами Майя. – Ты потом, как вернётся Николай, скажи ему, чтоб забрал их домой.

– А может, всё-таки с собой возьмёшь? Вещи-то хорошие, – с недоумением посмотрела на неё Вера.

Ответить Майя не успела, потому что в дверь резко и громко постучали, а потом, сразу после стука в комнату ввалилась Мария Филипповна.

– Я за холодильником и кроваткой, – заявила она Майе, даже не поздоровавшись, и не заботясь о том, что своим криком может разбудить спящую малышку. – Что тут ещё тебе Коля покупал?

– Обои, – подсказала Вера.

Но Мария даже не удостоила её взглядом.

– Не вздумай забирать с собой вещи нашего сына. И уезжай ты скорее, не доводи меня до греха. Христом Богом тебя

прошу... И эту отсюда убери...

Майя переглянулась с тётёй Верой, взяла из кровати дочку на руки и крепко прижала её к себе. Ещё через час Михаил и Вера посадили её на поезд, а Мария вызвала мужа, и они вдвоём освободили комнату Майи от мебели, купленной их сыном.

– Ох, что-то душа у меня не на месте, – вздохнула Вера, глядя вслед уходившему поезду. – предчувствие какое-то...

– Да брось ты, – посоветовал ей Михаил. – Расставаться всегда тяжело, вот тебе и предчувствие. А надо просто верить, что всё будет хорошо. Понимаешь?

– Умом понимаю, – положила голову на плечо мужа Вера. – А только сердце всё равно болит от чего-то...

Николай вернулся домой через неделю и, едва только вошёл в свою квартиру, как сразу же увидел холодильник, кровать и ещё кое-какие вещи, купленные им для Майи и её новорождённой дочери.

– Не понял, – удивился он и вдруг обрадованно заметался по квартире: – Майя! Майя, ты тут?!

Но девушки нигде не было, и тогда он позвонил матери, которая всегда хранила у себя дубликат его ключей.

– Мама! – закричал он в трубку. – А где Майя?! Она у вас? Мамочка, я так рад! Спасибо тебе! Я сейчас за ней приеду, скажи ей, что я вернулся!

– Подожди-подожди, Коля, – торопливо заговорила Ма-

рия. — У нас нет твоей Майи, и вообще она уехала куда-то.

— Как уехала?! — не понял Николай. — А откуда тогда у меня здесь её вещи?

— Я их перевезла, — сообщила довольная мать. — А что ты думал, что я оставлю их этой вертихвостке? Как бы не так... Коля, Коля, ты меня слышишь? Вам же с Лилечкой всё это пригодится. Ты что, забыл, что просватал её?

— Я был пьян, а вы потащили меня туда и выставили там дураком, — процедил в трубку Николай. — мама! Я никогда тебе этого не прощу, слышишь? Ни-ког-да...

Он бросил трубку и Мария тут же кинулась разыскивать мужа:

— Фёдор!!! Да брось ты этих кролей! Собирайся скорее, надо ехать к Коле! Ох, как бы он чего не натворил...

Они собрались очень быстро и летели с той скоростью, на которую только был способен их Жигулёнок. Но когда поднялись в квартиру к сыну, ахнули, увидев, какой разгром учинил их сын: детская кровать была разрублена в щепки, холодильник весь иссечён топором, который до сих пор торчал из его приоткрытой дверцы, в хлам превратились и остальные вещи, старательно собранные Марией в комнате Майи.

А сам Николай сидел на полу, прислонившись спиной к стене и сжимая в руке горлышко бутылки с недопитой водкой, смотрел потухшими глазами на отца и мать...

Вика, весело подпрыгивая, шагала рядом с матерью, и портфель на её спине как-то странно позвякивал в такт каждому её шагу.

– Ну вот, мам, а Витька сказал, что я похожа на цаплю, потому что у меня ноги как у цапли тонкие и длинные.

– И за это ты его ударила? – спросила дочку Майя, направляясь в школу, куда её с сентября по март уже вызывали пять раз, чтобы в очередной раз пожаловаться на девочку.

Но дело было не в успеваемости – Вика в шесть лет уже бегло читала и сама выбирала книги в библиотеке, где в то время работала Майя. А ещё она просто обожала играть с мальчишками в футбол, и Майе уже два раза приходилось оплачивать разбитые стекла в квартирах соседей.

– И вовсе не из-за этого я его побила, – заявила девочка, даже остановившись, чтобы мать успела разглядеть возмущение на её хорошеньком личике. – Ноги у меня и вправду как у цапли – дурацкие, тонкие и всё такое. Зачем же его бить за правду? За правду людей бить нельзя.

– Тогда за что ты его ударила? – вздохнула Майя.

– За то, что он плюнул на Катю, – округлила глаза Вика, удивляясь, как мама сама не могла догадаться об этом.

– Викуля, у меня уже голова идёт кругом от твоих историй, – Майя присела перед дочерью и убрала длинную чёлку с её лба. – Малыш, ты у меня такая хорошая девочка, я же это знаю. Но почему тогда все вокруг жалуются на тебя?

– На меня жалуются не все вокруг, мамочка, – обняла её

за шею Вика, снова звякнув чем-то в портфеле. – А только те, кто поступает плохо. Ты же сама меня учила, что люди должны быть добрыми и справедливыми. А баба Вера говорит, что добро должно быть с кулаками.

– Добро просто должно быть, – Майя поцеловала дочку в щеку, а потом крепко прижала к себе: – Славная моя, хорошая! Я так тебя люблю, маленькая моя. Но мне так не нравится, когда Марина Витальевна сердится на тебя из-за твоего характера. Если ты так ведёшь себя в первом классе, что же тогда будет в десятом?

– Я ещё не знаю, – пожала плечами девочка. – Мамочка, не хмурься, я же тебя так люблю! Ну хочешь, я потерплю немного и тебе никто не будет на меня жаловаться?

– Очень хочу, – улыбнулась Майя. – Подожди, а что это всё время звенит у тебя в портфеле?

– А это собачий поводок с железной вертушкой, – махнула рукой Вика. – Я нашла его на дороге. Он очень красивый и тебе обязательно понравится.

– Но у нас же нет собаки! – удивилась Майя, никогда не знавшая, что можно ожидать от дочери.

– Ничего, – рассмеялась девочка, – был бы поводок, а собака найдётся!

– Вика... – предостерегающе заговорила Майя, – только не говори мне, что ты хочешь привести собаку.

– Я пока только думала об этом, но спасибо, мамочка, что ты согласна! – снова обвила шею матери девочка, ластясь к

ней как котёнок.

Ни она, ни Майя, стоявшие на тротуаре, не обратили внимание на вильнувшую на дороге дорожную иномарку. А она уже неслась на них на всей скорости, и испуганный водитель напрасно пытался выжать педаль тормоза...

Удар был такой силы, что Вике показалось, будто это взорвался сразу весь мир, потому что всё вокруг наполнилось громом и скрежетом. Но уже в следующее мгновение наступила такая тишина, что девочка испугалась ещё больше.

Она сидела на тротуаре, прижавшись спиной к бетонной стене и смотрела, как из-под капота машины вырываются серые облака то ли дыма, то ли пара.

Звон в ушах не проходил, и Вика тихонько простонала, чувствуя, как её захлёстывают волны наступающей боли:

– Мама-а, ма-а-а-мочка – ...

Но Майи нигде не было. Зато совсем рядом с девочкой появилась какая-то крикливая женщина и завопила, обращаясь неизвестно к кому:

– Задавили! Задавили! Ой, батюшки! Да что же это делается?! Ведь прямо у меня на глазах. Я как раз подходила, когда машина на тротуар выскочила. Сама чуть под колёса не попала. Бог уберёг! Ой, горе-то какое! Смотрю, мать еле успела свою дочку оттолкнуть от себя, а сама отскочить не смогла. Молоденькая ведь совсем! И в машине страх-то какой! Нет живых, наверное! А-а-а! Кто-нибу-у-удь!!! Звоните в скорую!!!

– Да где же врачи?!!!

– Рванёт, машину сейчас рванёт!!! – суетливо начал размахивать руками какой-то носатый человек в зелёной рубашке, напоминая всем своим видом громадную саранчу, и Вике захотелось, чтобы мама тоже увидела его. Девочка снова поискала её глазами и даже хотела подняться, но в этот момент к ней подскочил какой-то парень и подхватил её на руки. А потом вместе с ней отбежал в сторону.

– Где моя мама? – спросила его Вика, но не услышала своего голоса. И вдруг её глаза стали расширяться от безумного, нечеловеческого ужаса: она увидела в стороне туфлю матери, почему-то разорванную и смятую.

– Мама-а-а!!! Мамочка моя-а-а!!! – закричала девочка и стала вырываться из удерживающих её рук. Но вдруг задохнулась от приступа острой боли, которая, казалось, прострелила её тело и потеряла сознание...

– Вика, Викуля, маленькая моя, ты меня слышишь? – Вера, с трудом сдерживая слёзы, склонилась над девочкой, которая лежала на больничной койке, такая же белая, как и наволочка её подушки.

– А? – откликнулась Вика, дрогнув длинными ресницами. – Слышу, баба Вера... Только не вижу. Я не могу глаза открыть. Они слиплись...

– Девочка моя... – через силу улыбнулась женщина и взяла её худенькую ручку в свои ладони. – Это просто лекарства

так действуют на тебя. Тебе же было совсем плохо, потому что ты сильно ударилась головой и спиной, вот врачи и полечили тебя.

– А где мама? – спросила Вика, настороженная странным голосом всегда такой доброй и весёлой бабы Веры. – Её тоже полечили? Мы с ней совсем потерялись. И она, наверное, меня ищет. Ты ей скажи, что я тут, пусть она придёт, ладно?

– Ладно, – страшные слова так и не сорвались с губ Веры. – А ты пока поспи, хорошо?

– Хорошо, я посплю, – согласилась Вика и уже через минуту, едва договорив, провалилась в липкий сон без сновидений и задышала ровно и спокойно.

Посидев над ней ещё немного, Вера вышла в коридор и припала к плечу хмурого мужа:

– Ой, Миша, Мишенка... Да что же это? Как я скажу ей, что Майи больше нет?! Сиротой ведь ребёнок остался! Круглой сиротой! Что делать-то будем?!

– Может попытаться найти её отца? – погладил плечи жены Михаил. – Есть ведь он где-то.

– Майя ни разу не говорила о нём, – покачала головой Вера. – Знаю только, что его Владимиром зовут. А кто он и откуда даже представить не могу. Как же мы его найдём? Да и разве такому человеку можно доверить ребёнка? Если ему Майя не нужна была, неужто думаешь, что он за девчущку переживать будет?

– А может он и женат, к тому же, – согласился Михаил. –

Не всякая женщина такому подарку обрадуется.

Он кивнул в сторону палаты, где лежала Вика. Потом, помолчав, заговорил снова:

– Ну а может быть нам попытаться опекунство над ней оформить или ещё как. Чтоб Вика в детский дом не попала.

Вера в сердцах хлопнула его по плечу:

– Да что ж ты мне душу рвёшь, а?! – воскликнула она. – Кто нам с тобой отдаст Викулю? Возраст-то у нас какой, в паспорт давно смотрел? И не родня мы девочке. А это ох, как много значит. Но даже и так я бы поборолась за Вику. Только у меня же судимость. Ещё и по такой статье. Забыл ты, что ли?

Она снова припала к плечу мужа и тихонько завывала, не в силах сдержать рвущегося из сердца горя:

– Что же за судьба у девчонок такая? Мать в детском доме воспитывалась, жизни не видела. И дочка туда же попадёт. Не уберегла я Майю мою... А теперь и Викулю... Я, одна я во всём виновата...

– Тише-тише, – погладил её по голове Михаил. – Не надо так говорить. Мы с тобой Майю никогда не забудем. И дочку её навещать станем. В обиду не дадим. А теперь пошли, Веруня, отдадим нашей Майе последний долг – нам ведь её хоронить. Больше некому... Вот и надо всё организовать честь по чести. Вот уж, правду говорят, судьба...

– А что с теми, кто в машине был? – Вера подняла на мужа заплаканное лицо. – Ты узнавал?

– Узнавал, – кивнул Михаил. – Водитель и его пассажир... сразу. Там без вариантов было. А женщина, что на заднем сиденье сидела, по дороге в больницу скончалась. Семья эта была. Видать, тормоза отказали. А может водителю за рулём плохо стало. Что уж теперь выяснять...

– Ну да, ну да, – вздохнула Вера и, выйдя на улицу, подняла глаза в голубеющее мартовское небо. – Прости меня, Майя, – прошептала она с тяжёлым вздохом. – За всё меня прости...

На похоронах у Майи было чуть больше десяти человек. Две её коллеги из библиотеки, Вера с Мишей, соседи. И Николай. Хмурый и молчаливый, всем своим видом похожий на осеннюю тучу.

– Его-то зачем позвал? – спросила мужа Вера, косясь на почерневшего и исхудавшего от пьянства Николая.

– Не смог я промолчать, – виновато прошептал на ухо жене Михаил. – Любил он Майю. Из-за неё и с Лилькой не ужился. Она уже полгода как от него ушла и дочку с собой забрала. Слышала ведь?

– И правильно сделала, что ушла, – поджала губы Вера. – Он же до полусмерти каждый раз напивается. Вот бы счастье Майе привалило.

– С ней он, может быть, был бы другим, – не согласился с женой Михаил и умолк, глядя на обитый красный бархатом закрытый гроб...

Под тихий говорок присутствующих и громкие всхлипывания Веры, над последним пристанищем Майи, вырос печальный холмик. Его украсили скромными венками и цветами, постояли над ним ещё немного, потом отправились в её опустевший дом, где, сидя за столом, принялись поминать несчастную женщину, погибшую так нелепо. Говорили о семье, которая стала невольной причиной страшной трагедии, жалели маленькую Вику. И только Николай молча опрокидывал в себя стопки тёплой водки, но совсем не пьянел, и только всё больше и больше мрачнел лицом.

Мария, встретив вечером вернувшегося домой сына, повела носом и, почувствовав от него невыносимый перегар, вдруг всплеснула руками:

– Господи, да в кого же ты превратился, Коленька?! На себя стал не похож. Какой красавец был. А теперь? Совсем ведь не просыхаешь! Загубил себя, под корень срубил. Лиля ушла, с Катюшей видаться нам не даёт. Ругает на чём свет стоит и меня, и отца за то, что мы сосватали вас когда-то. Да только кто же знал, что так получится?

– Я знал, – покачулся Николай. – Никто мне кроме Майи не был нужен.

– Ладно, – прижала руки к груди Мария Филипповна. – Ладно, сынок. Раз уж ты так сильно её любишь, давай я сама съезжу к ней. Поговорю, покаюсь. Она ведь не замужем, поди? Кто ж её возьмёт детдомовскую, да ещё и с прицепом? А

ты, женись, сынок. Мы с отцом больше возражать не будем. Я поговорю с ней, она простит нас. За руку её домой приведу. Вот увидишь. Только пообещай мне, что пить больше не будешь.

– А-ха-ха!!! – расхохотался вдруг Николай. – За руку приведёшь? А давай! Приведи! Я тогда капли в рот не возьму. А если не приведёшь, сопьюсь, мать. Потому что жить не хочу. Всего неделю длилось счастье моё! Неделю я домой возвращаться хотел. Бежал даже однажды, когда на автобус опоздал. Потому что там меня ждала моя Майя. И если бы не ты...

Николай покачулся и схватился рукой за стену, потом облизнул запёкшиеся губы и снова посмотрел на мать тусклым, затуманенным взглядом:

– Но я тебя не виню, мать. Что с тебя взять? Во всём виноват я сам. Не заступился, не ушёл из дома вместе с ней, тряпкой показал себя, а не мужиком. За то она и не простила меня. И за это до конца дней своих буду нести свой крест.

Николай закинул руку за голову и постучал себя ребром ладони по шее.

– Вот тут он, крест мой. И нести его мне только одному.

– Не говори так, не говори, сынок, – умоляюще протянула к нему руки Мария. – Скажи, где найти её? Ты ведь знаешь.

– Знаю, – кивнул Николай, и крупные слёзы закапали из мутных глаз его. – На кладбище она. Похоронили сегодня Майю, мать. Ты слышишь? Похоронили её, а умер я...

– Слышь, Капкан! – вертлявый черноглазый мальчишка по кличке Чибис ворвался в спальню, где смуглый, темно-волосый паренёк с удивительно яркими зелёными глазами шнуровал кроссовки, собираясь идти играть в футбол. – Там новенькую привезли. Вот потеха! Кричит, как бешеная. Кушается, вопит во всё горло. Придурковатая, наверное. Айда посмотрим. Кинокомедия – упасть не встать.

– Сколько ей лет? – бросил на него быстрый взгляд Капкан.

– Не знаю, – развёл руками Чибис. – А фамилия у неё, кажется, Волкова.

Он вдруг громко расхохотался:

– Слушай, она и вправду как волчица! Клашу за руку знаешь, как цапнула, та аж завизжала. Я у неё такого лица никогда не видел, ха-ха-ха! Ну ты идёшь? Наши все там!

– Не хочу, – отмахнулся от Чибиса Капкан, потом достал из-под кровати мяч и, отбивая его об пол, спокойно направился к выходу.

Чибис спорить с ним не стал. С Капканом вообще никто не хотел связываться, даже старшие ребята, которых, впрочем, в то время в интернате было всего четверо. Они уже пару лет как жили своей собственной жизнью, не ввязываясь в разборки младшей детворы. Ночами тайком уходили в город, и воспитателям приходилось искать их по всяким притонам. Но после возвращения и отбывания положенного наказания, снова повторяли свои выходки, мечтая только об

одном – скорее бы наступило лето, и они смогли бы навсегда покинуть стены ненавистного всем детского дома.

Капкана перевели сюда всего год назад. И ребята, привыкшие всех проверять на прочность, сразу поняли, что с ним шутки плохи. Вспыльчивый Капкан, стоило его задеть, сразу бросался в драку, невзирая на то, кто его противник или сколько их.

А после того, как Вовка Кабан, семнадцатилетний недоумок, попытался избить его за какую-то провинность прямо в столовой, а тот, недолго думая, нанёс ему несколько ран зажатой в руке вилкой, Капкана зауважали многие. И тут же приклеили ему это прозвище.

– Кабан здоровый, – верещал тогда Найдёныш, до ужаса рыжий и конопатый Санька Найдёнов, воспитывавшийся здесь с пяти лет. – А ты его как капкан поймал.

С тех пор тот и стал Капканом.

Постукивая мячом, Капкан спустился с лестницы и направился к выходу на задний двор, когда на него налетело что-то невообразимо лохматое и орущее и, споткнувшись, больно ткнулось ему головой в живот.

– Эй, ты что?! – он едва успел ухватить рукой подавшую девчонку. – Куда летишь, глаза повылазили, что ли?

А их уже обступила беснующаяся толпа, и неугомонный Чибис вопил во всё горло:

– Пацаны! Волчица в Капкан попала! Ату её, ату!!!

Глава 12

Лёжа на больничной койке, Вера рыдала, мотая головой из стороны в сторону и повторяя бессвязно:

– Увезли, увезли, забрали! Прямо из больницы! Хоть бы попрощаться дали! Объяснить, поговорить! Вика-а-а-а...

– Вера, Верочка, успокойся... – Михаил пытался удержать жену, которая то и дело порывалась встать. – Тебе нельзя так волноваться. Врач сказал, сердце слабое. Вера, приступ был серьёзный. Перестань, пожалуйста...

– Ты не понимаешь, Миша! – продолжала кричать Вера. – Вику забрали в детский дом! Я даже не знаю, в какой! Она там плачет. А рядом никого нет. Это же наша Вика, Миша... Пустя, я должна найти её, поговорить, успокоить...

– Сестра! Сестра, скорее!!! – закричал Михаил, призывая на помощь медсестру, которая только что появилась в коридоре. – Сделайте ей успокоительный укол! Пожалуйста! Ей же нельзя волноваться!

Заглянувшая в палату медсестра ушла, но через пять минут вернулась со шприцем в руке, и вскоре Вера затихла, бормоча что-то непонятное. Потом она уснула к большому облегчению Михаила, который теперь просто сидел с ней рядом и держал за руку.

Всего два часа назад они приехали в больницу, чтобы навестить Вику и узнали, что девочку уже куда-то отправили.

Услышав об этом, Вера, побледнев, как-то странно задышала, а потом покачнулась и без памяти упала на руки едва успевшего подхватить её мужа. Хорошо, что это произошло в больнице и рядом оказались толковые врачи. Они-то и оказали Вере первую помощь, но потребовали, чтобы Михаил оформил её в стационар и оставил под наблюдением, потому что им нужно было выяснить полную картину её заболевания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.